

Фридрих НЕЗНАНСКИЙ

Фридрих Евсеевич Незнанский

Возвращение в Сокольники

Серия «Марш Турецкого»

From FIDO
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=146066

Аннотация

Александра Турецкого отстраняют от расследования уголовного дела в отношении крупнейшего банкира и бывшего генерала КГБ, подозреваемых в организации заказных убийств. «Важняку» стоит немалой крови доказать свою правоту, поскольку угрозы расправы постоянно преследуют и его самого, и его семью.

Содержание

Пролог	4
Глава первая	26
Глава вторая	46
Глава третья	69
Глава четвертая	93
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Фридрих Евсеевич Незнанский

Возвращение в Сокольники

Пролог ПРИГЛАШЕНИЕ В СОКОЛЬНИКИ

– Нет, нет, Санечка, не то... не то...

– Слушай, ты что, с ума сошла, что ли? Ты кому советы даешь?

– Ой, дурачок! Ну почему же, если хорошо, не сделать еще лучше?

– Будешь вякать, сейчас встану и уйду!

– Не буду, не буду! Только не уходи... А можно я тебя о чем-то спрошу?

– Ага, есть такая серия умных вопросов-ответов. Хочешь угадаю?

– А ну попробуй!

– Ты меня любишь? А я чего делаю? Ты на мне женишься?
Созвонимся. Это?

– Фу! Грубиян и нахал! Злой и бесчувственный зверюга!

Как я тебя ненавижу! Хочешь я все-все про тебя расскажу?

– Категорически нет. И вообще, с чего это ты вдруг такая разговорчивая? Я разве давал разрешение?

– Ах, простите меня, мой энергичный кавалер! Уши у него, видите ли, вянут!

– Девица, не хами!

– С твоей помощью я уже давно не девица!

– Я это знаю. Нечем хвастаться! И кстати, ты слышала анекдот про французского дворника-философа?

– Если анекдот безобразный, то я его могла услышать только от тебя.

– О господи, за что ты наградил меня этим несчастьем? Я же сказал: философ! Неизвестно еще, у кого уши...

– Ну ладно, не злись. Так чего он там?

– А ничего. Улицу метет и метлой своей шаркает. Шарк... шарк... Потом шарк-шарк-шарк... И опять шарк... шарк...

– Ну и что смешного?

– А то, что из окна высовывается шикарная такая дама, вот вроде тебя, и орет на всю улицу: «Мсье, черт побери! Вы уже полтора часа сбиваете с ритма весь квартал!»

– Ха-ха-ха! А что, я действительно тебе так нравлюсь?

– В смысле?

– Ну сам же только что сказал: шикарная, как я. Или опять все врешь?

– Увы, боюсь, что не вру.

– Кошмар! И это – я! Я, понимаешь, люблю этого негодяя!

Кто бы сказал...

– Так. Все. Никакого толку от тебя сегодня нет. Ритма ты не выдерживаешь. Без конца болтаешь на всякие отвлеченные темы. А я как дурак...

– Почему «как»?

– Все, тишина в студии, как говорил один мой приятель-киношник. Охота болтать? Болтай. А я встал и пошел.

– И уходи! Нечего тут, понимаешь... разлегся! Вон белый день еще на дворе! Все приличные мужики на работе работают!

– Значит, я – неприличный. Тебе же хуже.

– Ну и уходи!

– Как скажешь, дорогая...

Турецкий медленно и без всякой охоты поднялся. Постоял на коленях, размышляя, что, может быть, вот так, резко, уходить все же не стоит. Тем более что шикарная дама, едва он навис над ней, чтобы перешагнуть на пол, немедленно приняла одну из наиболее соблазнительных своих поз. Вот же какая зараза! Ну как удержаться?

Но тут же сверкнула мысль: надо ехать домой.

Смешно, а что такое дом? И вообще, есть ли у него дом? Ну то место, где тебя ждут? Или та берлога, куда ты забираешься, когда тебе больно? Да было вроде. Пока Ирке не обрыдли окончательно его похождения и она не переехала несколько дней назад в квартиру своей подруги, которая охотно сдала ей ее в связи с отъездом в Штаты. Пока на год,

а там видно будет. А Ирка захватила дочь и тут же слиняла, аргументировав тем, что и ей спокойней, и Нинке ближе к школе, и вообще. В это «вообще» каким-то образом вместились вся их совместная жизнь. «Давай отдохнем друг от друга», – сказала Ирина Генриховна. Ну да, вот так просто, никаких сцен, это уже давно пройденный этап. А теперь не надо ничего придумывать, врать про задержки на службе, про какие-то там командировки в область и так далее. И все бы неплохо, но... тоскливо временами отчего-то.

Он перелез-таки через восхитительное тело Марии. Мары – она обожала, когда ее так называли. Посмотрел на то, что оставлял недоделанным, и подумал, что, наверное, это и правильно – всегда лучше оставлять после себя нечто, что надо будет обязательно доделать потом. Долюбить, черт возьми. Дотрахать, в конце концов. Чтоб пустыми вопросами не мучилась. Нет, но как смотрит! Не верит, поди, что он сейчас оденется и уйдет. Сколько, оказывается, у одинокого мужчины обязанностей, о которых он и не подозревает, проживая в семье! Руководствуясь желаниями жены. Это же чудо, когда за тебя решают проблемы. А потом чудо кончается, уступая место другому какому-нибудь чуду. Или – полной свободе. Ну да, можно подумать, что тебе сильно мешала семья! Сука ты, Турецкий.

Явился, взял свое, натянул носки... а где они, кстати? Турецкий свесился с тахты и стал осматриваться в поисках собственных носков. Кажется, зашвырнул их под тахту. Он на-

гнулся ниже, задрал плед, свисавший до полу, и в этот момент заверещал его «моби́ла», брошенный на тумбочке, с другой стороны.

– Это тебя? – глупо спросила Мара.

– Ну не тебя же! – Действительно, а кому еще стали бы звонить в пять вечера по телефону, номер которого был известен весьма узкому кругу лиц. Турецкий им пользовался, как он говорил, уходя «в эмиграцию». Когда хотел максимально стать невидимым и неслышимым.

Подниматься и обходить здоровенную тахту кругом было лень, и Турецкий потянулся к трубке, с непонятным мстительным чувством придавив девушку Мару так, что она кокетливо взвизгнула. Вот так, лежа поперек ее тела, Турецкий достал трубку, включил и поднес к уху.

– Я слушаю, – сказал он, не видя надобности представляться.

– Приветик, «важняк», – услышал он мягкий и доброжелательный голос. – Ну, кончил, что ли? Можем минутку побазарить?

Турецкий невольно кинул взгляд на занавешенное окно. Слегка расслабился, и Мара заерзала под ним: ну да, сейчас-то он тяжелый. Александр взглянул на нее и прижал указательный палец к губам.

– А почему бы и не побазарить? Как, говоришь, твое погоняло?

Голос хохотнул:

– Ты шутник, «важняк». Это хорошо. Говорили, что ты понимающий мужик. Тогда такой вариант. Сокольники знаешь?

– Конкретнее.

– А как войдешь в парк от метро, шагай влево. Там, возле первого просека, есть поворот за спину этого хренового комплекса. Ну, «Сокольники», каждый козел знает. А за ним, в тени сирени, «важняк», есть небольшой ресторанчик. «Филалка» называется. Дураков кормят говном, а белых людей – чем пожелают. Ты чего б хотел на ужин?

– Устрицы, блин.

– Заметано, – спокойно ответил абонент. – А какие предпочитаешь? Французские или из Италии?

– Из Монако.

– Мудило ты, «важняк», в Монако же нет своих устриц, их туда специально привозят!

– Это – как сказать!

– Да? Ну пусть. Хрен тебя знает, может, ты и прав. Ладно, я скажу, чтоб специально для тебя блядскую этикетку поставили: «Сделано в Монако». Значит, зайдешь, тебя узнают и встретят. В восемь будь. Успеешь?

– А почему я должен не успеть?

– Ну... мало ли. Палку кинуть, подмыться, одеться, а? Шмара-то у тебя в самом соку.

– Ну, короче, я тебя выслушал, хоть ты и не назвался. Поэтому могу предположить, что ты – обычная «шестерка», у

которой и имени-то нет своего, один гонор. Но, повторяю: твои проблемы. А теперь ты мне скажи, если я кому-то понадобился, почему он сам не хочет взять трубку и сказать об этом? Если считает ниже своего достоинства, так ты прикинь, он ведь и мне ни фига не нужен. И с какой стати я должен бросать свои дела, какими бы они у меня ни были, и бежать сломя голову на край света, в дерьмовую «Фиалку», где к тому же еще и говном кормят?

– Не, ты не усек, «важняк». С тобой человек говорить хочет. Он велел мне назначить тебе стрелку. Чего я не так сделал?

– Да по-твоему выходит все так, а по-моему, все через задницу. Серьезные люди так не договариваются.

– Ладно тебе! Не кипишись, «важняк»! Это ты-то серьезный?

– А я вот сейчас пошлю тебя, а ты передашь своему хозяину, чтоб он в следующий раз таких козлов на переговоры не присылал. Будет тебе стрелка, блин, в одно место!

Турецкий оглянулся на Мару, и та фыркнула. Ну и разговорчики!

– Остынь, «важняк», – заметно сбавил тон абонент. – Все, закончили базар. Велено сказать: ждут к восьми. А вот за козла ответишь. В другой раз.

– Если он у тебя случится.

– Я сказал.

– Поглядим...

– Санечка, – сказала Мара, – а ведь это что-то очень серьезное, да? – В ней неожиданно пробудился провидческий талант.

Турецкий отключил трубку и отбросил ее в сторону.

– Ты не хочешь мне рассказать?

– Не хочу.

– Я ж говорю, злой.

– Так, девушка, разговоры закончены, у меня появилось срочное дело.

– Ты не хочешь вернуться сегодня?

– Куда?

– Послушай, я ведь так и обидеться могу!

– Можешь, но лучше не надо. Тебе не идет надутая физиономия. Она тебя старит.

– Ну, знаешь?!

– Ну, знаю...

Вот так, привычно уже пикируясь, Турецкий быстро одевался, а Мара продолжала нежиться на своем бескрайнем лежбище, пытаясь определенно еще разок совратить Турецкого. А он не совращался, потому что голова была занята совершенно другим. Он думал о том, почему сразу не послал этого наглеца, зачем согласился на встречу. Хотя даже приблизительно не мог представить себе, на кой она ему черт сдалась. Но что-то все-таки было в этом голосе такое, что указывало, с одной стороны, на серьезность намерений, а с другой – что от подобных встреч благоразумные люди, как

правило, не отказываются. Случается – себе дороже. Да в общем-то, и чем он, в сущности, рисковал? Головой? Невелика ценность. А те, кто приглашали для «базара», хорошо информированы. Надо бы, по идее, пригласить сюда спеца, чтобы он обшарил стены, потолки, выключатели и прочие места, где любят обычно ставить спецтехнику. Неприятно все-таки заниматься любовью, зная, что кто-то где-то, сидя перед экраном телевизора, рассматривает тебя и твою даму во всех подробностях. Еще, возможно, и комментируя при этом особо забавные эпизоды, которых всегда хватает, если ты не стесняешься своей страсти.

И опять с какой-то самому себе непонятной злостью вдруг вспомнил свой недавний позор – иначе это состояние и назвать-то нельзя. Ну да, чуть ли не вчера это и случилось, едва ли не накануне Иркиного отъезда. Он уже занимался делом этих гребаных «центурионов» и в буквальном смысле разрывался между ночными засадами, лежбищем Мары и собственной квартирой, где было просто необходимо появляться – хотя бы под утро, чтобы как-то сохранять еще семейное статус-кво. Что получалось все хуже и хуже.

Он спал, как обычно в последнее время, на кухонном диванчике, приставляя с торца две табуретки, иначе ногам неудобно. Жалкое и унижительное уже само по себе это было зрелище. Уход «в эмиграцию», по собственному же выражению Турецкого, был все же лучше косых и злых взглядов супруги, резких и безапелляционных «выступлений» нередко

в присутствии дочери, которая, по глазам было видно, очень жалела папочку, но и возражать не смела.

И вот спал кое-как, пока не проснулся от проклятого «мобильника», что лежал на столе, возле головы Александра Борисовича.

Вроде рано еще звонить. В квартире тихо. Может, ушли уже? Нет, из комнаты дочери донеслась музыка. Ага, решили не беспокоить родителя, который явился под самое утро. А потом долго стоял под душем, чтобы смыть с себя казавшийся почему-то резким и противным запах духов Мары. Просил же: лезешь в койку – не провоцируй. А та смеется: думаешь, она тебя так сильно ревнует? Да я на ее месте уже давно засекала бы тебя с любовницей, будь ты моим благоверным. Вот тебе и вся логика.

Турецкий дотянулся до трубки, включил и стал слушать, кто отзовется. И услышал тихое и сдавленное:

– Саня, ты?

– Нет, это Пушкин! – почти рявкнул он. Но, опомнившись, воровато сунул руку с трубкой под одеяло, накрылся с головой и тоже почти зашептал: – Ты чего, совсем с ума сошла? Куда звонишь? И в какое время, рассуждаешь? Тут же все дома...

– Санечка, прости, – как-то потерянно заторопилась Мара, – я не хотела тебя будить. Но дело в том... словом, полчаса, наверное, назад у меня раздался звонок. Я взяла трубку. Говорят: Мария Дмитриевна? И голос – женский. Я молчу.

А там подождали и снова говорят: ну ладно, молчите. И так вздохнули... Саня, это не могла быть твоя Ирина? Я в первый раз в жизни вдруг так испугалась. И вот не выдержала, хотела проверить...

– Успокойся, – ответил Турецкий, – она такими глупостями не занимается. Спи, еще рано.

Он отключил телефон, скинул с головы одеяло, чтобы положить трубку на место, и... обомлел. Почувствовал вмиг, что все тело его стало каким-то мокрым и липким.

В открытой двери, придерживая рукой полу короткого халатика, стояла Ирина и понимающим, насмешливым взглядом рассматривала его – потного и взъерошенного.

– Тебе не жарко, Турецкий? – произнесла наконец. – С головой, под одеялом! Все руководишь?

Она презрительно хмыкнула. А у него словно язык прилип к гортани.

– Видишь ли... это связано с работой...

– Не надо, Турецкий, – жестко возразила она. – Мы сейчас с Нинкой переезжаем. Все, что нужно ей и мне, я упаковала. Ты можешь снести чемоданы вниз? Или мне водителя попросить?

– Какого водителя?!

– Того, кто нас отвезет к Ларисе. Можешь не волноваться, он мне не любовник, а шофер директора моего училища. Я договорилась заранее, зная, что на тебя даже в такой мелочи рассчитывать нельзя. Так поможешь? Или позвать?

Она ушла в комнату, а Турецкий сел на диванчике и почувствовал себя так, будто ему на голову вылили ушат ледяной воды.

Позже он попытался сбивчиво объяснить жене, что был действительно на задании, которое сам же и придумал на свою голову, и что это запросто может подтвердить и Славка Грязнов, который лично отрядил в помощь своего оперативника. Но Ирина лишь отмахивалась, показывая, что вопрос решен и ей не нужны оправдания. А под конец ввернула-таки:

– Слушай, Турецкий, перестань полоскать мне мозги! И тебе я не верю больше, и Славке твоему. И где ты бываешь, я знаю, и с кем. Оставь меня, мне ложь надоела!

И уехали. Водитель Миша старательно делал вид, что все происходящее его ничутью не касается. Нинка мужественно шмыгала носом и заявила, что она – ненадолго. И если ее будут продолжать терроризировать, она вернется к отцу. Взрыв не произошел лишь по чистой случайности. Нервы у Ирины оказались крепче, чем у остальных.

Возвращаясь к этим недавним событиям, Турецкий понимал, что с тем звонком он, конечно, вляпался, будто шкодливый мальчишка. Сопляком оказался, другими словами. Но теперь-то чего еще от него хотят? И главное – кто? Братве подобные розыгрыши не нужны. А здесь припахивает профессиональной провокацией – подслушивать, подсматривать, нагонять холодку эдакого... Это – «конторские», ско-

рее всего, ребятки, от чьих услуг отказалось государство. Либо они сами от него отказались.

Но, как бы там ни было, согласие свое на встречу Турецкий уже дал, и теперь следовало быть во всеоружии. В прямом и переносном смысле. «Макаров» был при себе, поскольку и этой ночью снова в засаду. Но все-таки основным оружием старшего следователя Управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры Александра Борисовича Турецкого было его деловое спокойствие и уверенность в себе. Вот и придется действовать спокойно и решительно – это в крайней ситуации. А так?... Ничего судьбоносного для себя Александр Борисович все-таки не ожидал...

Коренному москвичу искать в Сокольниках «Фиалку» – это примерно то же самое, что спросить: эй, парень, где Сокольники, не подскажешь? Абсурд, иными словами.

Шагнув под своды, так сказать, Турецкий слегка удивился. Была всегда обычная «едашня», где почему-то постоянно было очень холодно, сколько ни разогревайся изнутри. А сейчас стало уже подобием чего-то. Видно, в частных руках заведение. Даже подобие относительного уюта появилось.

– Вы к кому? – поинтересовался у дверей швейцар, он же по совместительству – секьюрити.

– Меня ждут, – кратко ответил Турецкий, не желая дополнительных разъяснений.

– Прошу. – Тот предупредительно пошире распахнул

дверь.

На улице было не холодно, но, помня о ночной работе, Турецкий надел теплую кожаную куртку. На нее глазами и показал секьюрити, мол, не желаете? Турецкий не желал, поскольку под мышкой, в кобуре, у него висел «макаров». Секьюрити кивнул и жестом показал на вторую дверь, в зал.

Народу в зале почти не было, так что трудно понять, кого и от кого, главным образом, тут охраняли.

Из притемненного угла поднялся пожилой человек с коротко стриженной рыжеватой бородкой и аккуратной лысинкой, обрамленной чуть седеющим венчиком светлых волос. Впрочем, все это Турецкий разглядел, когда, повинувшись жесту, приглашающему его, подошел ближе. Такой, понимаешь, частный доктор по венерическим болезням. Либо адвокат. Либо еще кто-нибудь.

От соседнего столика к Турецкому повернулись двое коротко стриженных явных братанов и, будто по чьей-то команде, отвернулись.

– Добрый вечер, Александр Борисович, – с легкой, почти ускользающей улыбкой приветствовал Турецкого этот старикан. – Благодарю за точность. Куртку снять не желаете? Это раньше здесь была постоянная холодрыга, а теперь – вполне ничего.

– Спасибо, мне не жарко. Да потом, мне ведь прямо отсюда на службу.

Но куртку он все же расстегнул, и старикан увидел ремень

от наплечной «сбруи» на груди у «важняка».

— А! — улыбнулся он. — Ну да, я же все позабываю, что вы у нас следователь по особо опасным, предпочитающий иногда бегать и опером.

— У вас хорошие сведения. Но — чем обязан?

— Не беспокойтесь, много времени я у вас не займу. Так вы что, в самом деле желаете отведать устриц?

— А вы разве не в курсе?

Тот засмеялся — добрым, мягким смешком, даже и близко не напоминающим тот, телефонный голос, хотя и был чем-то похож.

— А есть-то вы их умеете? — продолжал искренне улыбаться старикан.

— Научить? — улыбнулся и Турецкий.

— Только честно, — старикан наклонился к Турецкому, — а мне не поздно менять вкусы? Это же... — он сморщился и посучил пальцами, изображая нечто ничтожное и наверняка невкусное.

— А мне нравится... — философски изрек Турецкий, подразумевая совершенно иное.

Слышал старик этот древний тюремный анекдот и захотал.

— Ну как скажете! Сейчас прикажу! И чтоб из Монако, да?

— Оставьте, — успокоил его Турецкий. — Мы ж не для этого пришли сюда. Так не будем терять и вашего, и моего дорогого времени.

– Как скажете, как скажете... – вздохнул старик и хитро сощурился. – А козлу одному я приказал все же дать по рогам. Знаете за что?

– Интересно.

– За непочтительность.

– Ну что ж, если на пользу... Так о чем же будет речь идти, к чему так длинно предисловье?

– Да предисловье, глубоко уважаемый мною лично Александр Борисович, необходимо для того, чтобы вы успокоились, перестали нервничать и думать, будто что-то вам здесь угрожает. Может, все-таки по рюмочке? Ах да, все позабываю, что у вас впереди служба. Разговор будет абсолютно доверительным. Я скажу, вы сделаете мне одолжение и выслушаете, после чего обменяемся, если потребуется, аргументами. Идет?

– Ну идет. Скажите, пусть кофе принесут. Черный.

Старик щелкнул пальцами, и официант, на которого взглянул Турецкий, немедленно кивнул. Что он понял? А черт их всех тут знает.

– Александр Борисович, дорогой мой. – Старик достал очки в хорошей оправе, надел их на кончик носа, но посмотрел на Турецкого поверх стекол. – Знаете ли что? Вы всем надоели.

Точно так же надел свои очки и Турецкий и тоже, глядя сверху, уставился на старика.

– Повторить?

– Зачем, у меня всегда было хорошо со слухом. Кому надоел? Можно конкретнее?

– Всем. Наверху, в середине, внизу. В вашей собственной Генпрокуратуре и в Министерстве юстиции. В МВД и ФСБ. В Кремле и на местах. Повсюду. Ну послушайте, право, это у вас таков стиль – брать любой висяк и раскручивать его. А всем ли это надо? Вы задумывались? Нет. Вы – умница. У вас определенный талант. Вы умеете работать. Но! Вы начинаете крепко мешать. – Увидев желание Турецкого возразить, старик предостерегающе, но без всякой угрозы поднял ладонь. – Я повторяю, у вас редкий по нашим временам талант. Есть тысяча... пусть даже сотня! Да хоть и десяток достойных мест, куда вас примут с распростертыми объятиями! Послушайте меня, старика, Александр Борисович! Уйдите вы с этой чертовой Дмитровки, которая у больших людей уже вот где! – Он похлопал ладонью себя по загривку. – Заживите наконец-то спокойной и счастливой жизнью! – Он наклонился еще ниже над столом, глядя снизу вверх ну просто поразительно честными и преданными глазами. – Ирина Генриховна – умнейшая женщина и глубоко вас любит, искренне переживая ваши эти сумасшедшие ситуации. О дочке я уж и не говорю. Вы любите эту Мару. Знаю, видел. Роскошная женщина. Любите, ну и любите себе на здоровье! Им-то всем зачем жизнь портить, которая у всех – одна! Одна, Александр Борисович, дорогой вы мой...

– Говорите вы хорошо...

– Честно, Александр Борисович. И доверительно. Тет-а-тет, как говорится. – Он вдруг обернулся и тихо спросил: – В чем дело? Где кофе?

И тотчас из-за спины Турецкого рука в накрахмаленной манжете протянула и аккуратно поставила чашечку черного кофе. А перед стариком официант, обойдя стол, поставил маленький графинчик с коньяком, судя по всему. Старик, отстранив руку услужливого официанта, взял графинчик сам и налил понемногу в две рюмки.

– С кофе – совсем неплохо, – сказал он, чуточку подвигая одну из рюмок навстречу Турецкому. – А я кофе, к сожалению, на ночь уже не могу. Мотор пошаливает. – Он хлопнул легонько себя по груди. Поднял свою рюмку, показал Турецкому, что он с ним как бы чокается, и выпил. Отставил в сторону.

– Скажите мне по-совести, Александр Борисович, сколько бы вы хотели отступного?

– Как-то не приходилось думать на эту тему.

– А вы прикиньте! Двести тысяч «зелененьких»? Без налогов и обложений. На устройство новой жизни. Это – сумма.

Турецкий вздохнул. Поправил очки, усмехнулся.

– Ну ладно, пусть будет двести пятьдесят. На тех же условиях.

– А с вами, смотрю, не соскучишься.

– Александр Борисович, – похоже, старик обиделся

немного, – ну сами-то побойтесь Бога! Триста – это уже край!

– А если я откажусь?

– Не стоит вам этого делать. – Помрачнев, старик резко мотнул головой. – Я ж говорю: край.

– Ну а все-таки? – Игра была совсем не забавной, но казалось, что старик еще не все сказал, что ему велено. И не он здесь тоже главный. Но и не пешка.

– Если вы совершите эту ошибку, понимаете? – Взгляд старика стал холодным и строгим. – Ну... для начала... на вас уже столько компромата, что мало не покажется. Особенно если вылить все разом и практически во все центральные издания. Одно дело, когда вы сами уходите, совсем другое, когда вас попросту вышвыривают. А речь пойдет об этом... Дальше – жена и дочь. Вряд ли им нужен такой позор!

– Но есть же и радикальные способы решения сложных вопросов? – Турецкий откровенно ухмыльнулся.

– Есть... – Старик внимательно посмотрел ему в глаза и тоже хмыкнул: – Конечно, есть. Но зачем? Вы – настоящий профи. У вас, повторяю, талант. А мы что, идиоты, чтоб убирать тех, на ком дело держится? Бывают, разумеется, безвыходные ситуации. Случаются и ошибки, куда без них, все – живые люди. Но вас мы уважаем. Да и скандал, честно говоря, никому не нужен. Ну уберут... Кинутся распутывать. Пока то да се, дело стоять будет! Вам ведь в вашей практике частенько подбрасывали уже ненужного киллера, верно? Ну что ж, мавр сделал свою черную работу... А вы еще молодой.

Мне бы да ваши годы! Ох, дорогой мой!...

– Я так понимаю, что выбора вы мне не оставили, предложив взамен некоторые варианты, да?

– Абсолютно верно. И я очень рад, что вы это правильно поняли. Значит, не все так плохо, верно?

– А подумать я могу?

– Разумеется! Кто ж такие проблемы решает с бухты-барахты? Конечно, подумайте. Ха, помните шутку переломных лет? «Вступлю в партию. Возможны варианты!» Ох, Александр Борисович, дорогой вы мой, нет ничего нового на этом свете. Думайте, размышляйте. Недели вам вполне хватит.

– На что? – наивно спросил Турецкий.

– На то, чтобы написать достаточно убедительное заявление вашему другу и шефу Константину Дмитриевичу Меркулову и найти собственные аргументы, если мои не показались вам достаточно убедительными. Сегодня у нас с вами что? Воскресенье. А у вас работа, это ж надо? Действительно, ни сна ни отдыха... Ну вот, до следующей субботы как раз и хватит. Ежели желаете наиболее удобный для себя вариант... В субботу, скажем, на этом же месте либо где-нибудь рядом, договоримся еще, вы приносите мне в конверте копию врученного Меркулову своего заявления об уходе из Генеральной прокуратуры – не из юстиции, помилуй бог! – я беру у вас этот конверт, вручаю другой, где будут находиться триста тысяч баксов, при необходимости предоставляю вам охрану – чин по чину! И мы расстаемся. Каждый идет в свою

сторону.

– Значит, вы уже все продумали? А где гарантии?

– Александр Борисович, – обиделся старик, – не надо. Вон у вас поди «макаров» под мышкой, а я разве усомнился, что у вас тоже есть слово чести?

– Скажите, я даже не знаю вашего имени, где я мог вас видеть раньше?

– А вы можете меня в дальнейшем называть Иван Ивановичем, чем плохо? Истинно по-русски. Но мы не виделись. Точнее, вы меня – нет, зато я вас и видел, и многое о вас знаю. Профессия такая.

– Адвокат?

– И это. Отчасти. Но не будем забивать мозги мелочами. Значит, в следующую субботу. Примерно в середине дня. Уточним. Здесь или рядышком. Даю вам свое слово. Оно ценится.

– Не сомневаюсь. Ну а если все-таки передумаю? Сразу стрелять будете?

– Хотите знать, к чему готовиться? Право, не стоит. Однова живем, Александр Борисович, как говорили старики. К коим я принадлежу в гораздо большей степени, чем вы, молодой еще, по сути, человек... Но чтобы вы, как тот райский плод, быстрее созревали, в течение недели разок-другой вам, вероятно, напомнят о нашем уговоре. На дорожку не желаете еще? – Старик щелкнул пальцем по графинчику.

– Нет, благодарю вас.

– Вольному – воля.

Старик чуть привстал и кивнул Турецкому, прощаясь.

Руки они друг другу не пожали. Александр Борисович, скосив глаза, увидел застывших истуканами братанов, сидевших перед банками с пивом. Тоже кивнул и поднялся.

Выйдя из «Фиалки», всей грудью вдохнул вечерний апрельский воздух и вдруг ощутил, что у него закружилась голова. Может, от напряжения.

Он задернул молнию куртки до самого подбородка и пешком пошел в сторону метро.

И подспудно проклюнулась мысль: ты будешь большой дурак, Турецкий, если не найдешь выхода. И большой негодяй, если с ними согласишься...

Глава первая

В ТЕМНОМ ПОДВАЛЕ

– Турецкий! Где ты опять шляешься? Где тебя все время черти носят?

Вопросы – один другого интересней...

– Ты, что ль, Василь Васильич? Где, не вижу!

– Ну сам подумай головой, какой еще дурак будет сидеть тут, в темноте, ночи напролет? И ждать, когда господин «важняк» соизволит прибыть?

– Извини, Василь Васильич, пришлось немного задержаться. А ты сам чего так рано явился?

– Это какое же рано? Ночь на дворе! И к тому же не тебе, мальчишке, учить меня азам оперативно-розыскной работы! А заодно запомни: является только ангел небесный, да и тот – в девичьих снах! А мы, муровцы, прибываем к месту проведения операции, усек?

– Еще как! А, черт! Да на что это я тут каждый раз натыкаюсь? У тебя же фонарь есть, так посветил бы, я все же какой-никакой, а сейчас тебе начальник!

– Ха, начальник! Пора бы и привыкнуть, который день ходишь! А светить не буду, батарейки берегу. Между прочим, недешевое нынче удовольствие. И раз начальник – свой должен иметь! Там, перед тобой, еще одна труба проложена. Не

СПОТКНИСЬ.

– А, мать твою!...

– Ну вот, а я о чем? Тебя хоть предупреждай, хоть не предупреждай, один хрен... Зажигалку не забыл?

– Да здесь, будь она!...

Турецкий, кряхтя и негромко ругаясь, поднимался с колен. И ведь снова врубился в эту проклятую трубу, едва лбом не приложился о бетонный пол, засыпанный остатками арматуры и обломками кирпича.

– Это хорошо, – непонятно что одобрил Василий Васильевич Сукромкин – майор милиции, старший оперуполномоченный, которого Вячеслав Иванович Грязнов, начальник МУРа, выделил Турецкому для проведения операции в этом проклятом подвале.

В тонкости операции Грязнов вдаваться не стал, просто спросил, достаточно ли будет одного опытного оперативника, после чего и приказал майору Сукромкину прибыть в распоряжение Александра Борисовича Турецкого для выполнения особо секретного задания.

А суть заключалась в том, что надо было приходить сюда, в этот подвал, таиться и ждать. У моря погоды.

Туго знающий свое дело, Сукромкин привык не рассуждать и потому прибывал заранее. Осторожно забирался в подвал здания еще довоенной постройки, а потому оборудованного в те, тридцатые, годы обширным захламленным, естественно, бомбоубежищем, затем, изредка посвечи-

вая себе фонариком, пробирался длинными катакомбами, которые в конечном счете приводили его сюда, под современное здание коммерческого банка «Атлант-универсал». Здесь он внимательно осматривался и наконец устраивался в ожидании опаздывающего следователя. И всякий раз происходило одно и то же, четвертый день, а точнее, четвертую ночь подряд.

Более трех десятков лет работая рядом с Грязновым в «убойном», как тогда называли второй отдел МУРа, а после и под руководством Вячеслава Ивановича, Сукромкин конечно же знал Турецкого, когда тот только начинал. Да, прилично уже с тех пор годков-то пролетело! Считай, с начала восьмидесятых! Но сегодня на плечах у Грязнова красовались генеральские погоны, у этого Александра – тоже, а вот Василь Васильич, из-за каких-то непонятных капризов судьбы, все еще ходил в майорах. Ну и что, тоже ведь, как и у них, – одна звезда на погоне, разве что размером поменьше.

– Ну ты чего, Турецкий, доберешься наконец? Или тебе в самом деле посветить? – Сукромкин, направив в сторону Турецкого свой фонарик, на миг включил его и высветил полусогнутую фигуру, зачем-то обнимающую обеими руками бетонный столб. – Здесь я, – переходя на громкий шепот, позвал Сукромкин. – Ну теперь-то хоть видишь?

– Вижу, – просипел и Турецкий, приближаясь к Василию Васильевичу. – Но что-то я потерял ориентировку... Дверь где, справа? Ну-ка, включи, Василь Васильич, еще разок!

– Нечего, понимаешь, батарейки без дела сажать! – строго возразил майор. – Ты присядь-ка да помолчи, глаза-то и привыкнут. Не так и темно, как спервоначалу кажется... А эти твои... которые если пойдут, так, полагаю, вон там, подале, левее нас. Там и хлама поменьше. Табельное-то не забыл?

– Ну да, как же! Не к теще все-таки...

– Вот и давай сидеть снова... – тяжело вздохнул Василий Васильевич и замолчал.

Но Турецкий знал, что пауза будет недолгой. Помолчит Сукромкин, повздыхает да и затянет очередную из бесконечных своих муровских либо житейских историй, которых у него было бессчетно. О прошлых женщинах вдруг отчего-то стал вспоминать майор, но по-хорошему, по-доброму. Без привычного цинизма. Возраст, наверное, взял уже свое: как-никак шесть полных десятков, только Славкиным умением грамотно отбиваться от назойливых педантов-кадровиков, пожалуй, еще и держится на службе. Ну да, конечно, с опытными кадрами всегда расставаться жаль, однако все равно однажды приходится. Вот и Сукромкина на воспоминания тянет, а это первый и самый верный признак старости...

– Курить, понимаешь, охота, – снова вздохнул Василий Васильевич, – а нельзя. Запах табачного дыма может выдать нас с головой. Некурящий ведь легко его обнаруживает... А я чего спросил про зажигалку-то? С собой не беру, когда на задание... Чтоб не дразнить себя – нету, ну и нету! А вот

когда потом наружу выберемся, дай бог, вот тут бы... да. А ты, смотрю, что ли, бросил?

– Да какое там! – отмахнулся Турецкий. И подумал: как же, бросишь тут! Ирка с Нинкой ушли, оставили мужа и отца в одиночестве, стало быть, не выдержали... На службе все – через пень-колоду... Подвал еще этот, глаза б его не видели!

– А чего? Слыхал, поди, как говорят? Кто не курит и не пьет, тот здоровеньким умрет, верно? Ты вот мне честно скажи, Саша... Это ничего, что я с тобой попросту, по старой памяти?

– Да о чем речь, Василь Васильич! Мы ж за столько лет почти родными стали. А в чем вопрос?

– Небось, говорю, хочешь здоровеньким помереть, Саша, а? Или как?

– Жалко здоровеньким-то, Василь Васильевич. Здоровым жить нужно. Радоваться жизни, кайф ловить, как утверждают наши молодые коллеги. Уж они знают в этом деле толк. А вот умирать – нет, я против.

– Да-а... Чего-то газом здесь пованивает. Не чуешь?

– Нет.

– А я вот чую... Старым своим носом. Потому и курить здесь нельзя. Не ровен час. Да и инструкция запрещает.

– Это какая ж инструкция, Василь Васильич?

– Здравствуйте! Да наша, муровская!... Ну и подвалы! Ох как я их ненавижу! А у вас, Саша, в Генеральной, ну, там, на Дмитровке, тоже подвалы имеются?

– А черт их знает, не интересовался. У нас же все-таки не Лубянка. И даже не Петровка, тридцать восемь.

– Это ты про пыточные, что ль? Где их нет!... – Сукромкин помолчал, словно к чему-то прислушиваясь, а потом снова заговорил, но гораздо тише и с долгими паузами: – Чего-то вспомнился вдруг Сенька-мокрушник... Был такой блатняк-отрицала, ты вряд ли помнишь... Добрый малый был. Цветы комнатные на хазе своей держал. А еще три кошечки у него жили. Мурка, конечно, Барсик и еще какой-то, забыл... К вышке его приговорили, а он сбежал. Очень у него это хорошо получалось, он и сам ловкий был такой, проворный, как кошка. И вот так три раза, не поверишь, уходил. А в последний мы его в таком же вот подвале брали... Нет, точно газом пахнет!...

– Да не чувствую я ничего, успокойся, Василь Васильич... А дальше что было?

– А чего? В Бутырке, в камере у себя, взял да и повесился. Как раз под Новый год. Уж теперь и не вспомню какой... Давно. Ему дружки вместе с гревом деньжат подкинули, так он на все гроши у того же конвойного веревку купил. И мыла хозяйственного. Здоровый кусок. А на нем только раскрытых пять мокрых дел висело. И столько же – по подозрению. Вот, Саша, а ты говоришь: фикусы там всякие, гортензии, кактусы-мактусы... Все он, говорили, беспокоился о своих цветочках и кошечках. Даже марухе своей писал в записочках названия каких-то специальных удобрений, которые то-

гда и достать-то можно было разве что на черном рынке.

– А повесился почему? Может, не сам? Помог кто?

– Не-е, сам. Загрустил отчего-то. Ну ты ж понимаешь, Саша, они, блатные, все психопаты. А эта маруха то ли изменила ему, то ли цветочки перестала поливать. Или, вполне возможно, кошек его разогнала. Разные тогда мнения были. Да и плевать, в общем, кому какое дело? Все равно бы не жил он...

– Не жил, это точно, – подтвердил Турецкий. – А что маруха?

– Маруха-то? О-о! Это серьезное дело, Саша. Девка красивая была. Такая вся из себя – не дай боже! Прямо высший класс! Хоть в «Огонек» на обложку! А так-то вообще она наша была, мы ее, еще когда он на воле бегал, завербовали. Майор Смагин был такой, не помнишь?

– Нет.

– Ну и правильно, это раньше тебя было. Ох чего он с ней вытворял! Любовницей у него была... Здоровый такой мужик! Умный... Известный опер. Ему потом блатные особую казнь устроили. Ему и ей, обоим, стало быть... Даже вспоминать страшно. Я тебе потом, если пожелаешь, расскажу. Только не здесь, не в темноте... Вот же инструкция проклятая!

– Чего это ты?

– Да я все про курево... Понимаешь, если рот дымком не прополощу, прямо, кажется, подохнуть могу! Чего, не ве-

ришь? Да я после того сердечного приступа только куревом и лечусь.

– У тебя что, сердечный приступ был? А почему я не знал? Когда?

– А еще прошлой весной, в апреле... Да ты, Саша, не бери в голову.

– Не понимаю, почему Грязнов ничего не сказал.

– Ну а если б сказал, так что? Ты бы меня на задание не взял? И все апрель. Хороший месяц, с одной стороны, теплый, травка из земли лезет. А мне постоянно не везет именно в апреле. В позапрошлом году на mine подорвались. Возле Атагов, в Чечне. Вот так осколочек прошел, еще б чуточку... А Борьку Малышева... Помнишь ведь Борьку-то?

– Не помню...

– Да должен был знать... Во-от, а в прошлом, значит, приступ. И так прихватило, ну, думаю, теперь-то уж точно – кранты! Даже завещание решил написать.

– Да ладно тебе! – улыбнулся в темноте Турецкий. Не такой уж и абсолютной, как казалось поначалу. Как-никак, а силуэт Василия Васильевича, прислонившегося к бетонному столбу спиной, он уже худо-бедно различал. Почти призрачный, рассеянный свет шел неизвестно откуда. А может, это он просто отражался от побеленных бетонных стен подвала, и источник его был где-то в стороне, куда не достигал глаз.

– Ты не улыбайся, Саша, – шутливо пригрозил пальцем Сукромкин. – Стал сочинять, ей-богу, хоть и говорят, что это

– дурная примета. Специально нотариуса вызвал. Представляешь, Турецкий! Нотариус – это в мои-то годы! Приходит в палату... Да-а... Сама бабочка в полном, понимаешь, соку, спелая: ну тронь пальцем – так прямо соком и брызнет! Садится она рядом с моей койкой, а я и пальцем пошевелинуть не могу, не то что там мысли какие! Эх, думаю, где мои семнадцать лет? Где мой черный пистолет? Помнишь, как там у Высоцкого? Гляжу на ее ножки, и все у меня, Саша, дрожит. Она авторучку сует, чтоб подпись сделать на завещании, а я удержать ее не могу... Гляжу на ее ножки и совсем себя не чувствую. Она мне: «Ставьте, – говорит, – свой автограф», а я все смотрю и думаю: эх, милая, дал бы Господь сил, я б тебе сейчас такой автограф поставил, что ты у меня тут до потолка бы прыгала! Переживаю я эти грешные свои, значит, мысли, на нее гляжу и вдруг вижу, что она почему-то краснеть начинает! Будто краска в лицо ей хлынула! И коленками заерзала, а чулочки-то ее как закрипели!... Аж застонал я от проклятого своего бессилия...

– Ну, Василь Васильич! – восхитился Турецкий. – И ты это все, что называется, на смертном одре?!

– А чего, разве ж не мужик был? Да-а... Ну дак как, думаю? Все теперь, полностью опозорился перед красивой бабенкой-то! Хорошо еще, один в той палате лежал. Да вот она еще рядышком сидела и ножками сучила да глазенками своими быстрыми все по сторонам зыркала. А то ну прямо стыд, да и только! И тогда она, Саша, – ты можешь мне не верить,

но вот те крест, как на духу! – наклонилась ко мне совсем близко и одними губами шепчет: «Что ж ты, мол, милый, помирать-то собираешься, когда тебе жить да жить? Тебе, – говорит, – долго еще нас радовать!» А сама вдруг горячей своей ладошкой-то под одеяло мое шмыг! Туда-сюда, нашла-нащупала... А я, клянусь тебе, чувствую всем естеством, как что-то во мне шевельнулось и приподнимается, силы то есть откуда-то берутся! Да. Словом, никакого тогда я ей автографа, само собой, так поставить и не смог, да она и не обиделась, что зря со мной время только потеряла. Поняла ж мое состояние. Сказала на прощание, что, по ее убеждению, нет у меня необходимости составлять завещание. И ушла. Ладонью своей ласковой помахала так и – покинула. А я с того самого дня резко на поправку пошел. Видишь? А ты говоришь!... Это она меня к жизни и повернула.

– Да я-то как раз ничего и не говорю. А после хоть встретились?

– Ну как же не встретиться? Нашел я ихнюю контору, зашел. При форме там, ну, этих – цацках всяких. Она меня увидала и прямо засветилась вся. Расспрашивать стала, как то, другое. Про здоровье. Я говорю, что исключительно ее заботами ни на что не жалуюсь. А она мне: это как же надо понимать? Ну, я как бы стесняюсь, народу-то у них там много всякого, говорю, что неплохо бы встретиться, чтобы потолковать насчет здоровья, как? И по глазам ее вижу, что она не против, но при всех стесняется. Сказала, чтоб подгреб

часикам к семи.

– А здоровье что, в самом деле поправилось?

– Так вот я ж и говорю. В смысле – ей. Мол, проверить бы, как оно все складывается, ее-то молитвами. Очень ей это понравилось. И пока тянулось рабочее время, я к нашему с тобой дружку. Угадай с трех раз кто?

– Славка, что ли?

– Ну конечно, он, а кто же еще. Встреча у меня, Вячеслав, говорю, намечается. Конспиративная. Так что, мол, желательно бы. Ну он посмеялся маленько. Только и спросил: кто? Я ему про нотариуса в двух словах и изложил. Забрал ключи и – бегом. А он мне вдогонку: там, в холодильнике, если понадобится, так можно. Ну привез я ее, в холодильник залез, коньячку достал, водички, конфетки там всякие... Словом, сам понимаешь – на скоростях. Как в ранней молодости. Ах, думаю, грех совершаю, перед собственной старухой неудобно! Но дело-то вишь какое получилось. Выпиваем мы маленько – исключительно для развязности. Чтوب неловко себя не чувствовать, я ж ей, этой Леночке, в папаши годился. А она, смотрю, ничего, свободно себя ведет. Тосе! Выбрал я один момент, когда у нас все получилось отлично, и спрашиваю: «А почему ты так и не стала завешание составлять? Разве только в моей подписи было дело? Я ж, – говорю, – знаю, что можно свидетелей пригласить, протокол соответствующий составить». А она хохочет! «Как, – говорит, – в глаза твои заглянула, как увидела пламя в них, а по-

сле рукой проверила, так сразу и поняла, что ты лишнее затеял. Будешь, – говорит, – жить. Так чего ж тогда попусту?» Ну, в общем, натешились мы с нею, и такая у меня к ней благодарность в душе возникла! Словами не описать, Саша. Доставил я ее домой, к подъезду. Там, в темноте, поцеловались мы на прощание. А она и говорит: «Вот, мол, и все, и спасибо тебе, хороший ты человек». Я сразу понял, что попрощались. И настаивать не стал. Да и незачем. Неправильно это было бы. И знаешь, еще о чем подумал?

– Интересно.

– О том, Саша, что не дай бог в самом деле – старость! Лучше закрыться в кабинете и пулю... Чтоб сразу!

– Ну это уж нет! – бодро возразил Турецкий. – Тут я не согласен. У меня мнение твердое: если что, то исключительно по делам чести. А так... извините.

– Наверное, это правильно. Честь – оно само собой. Вон вспомни, сколько у нас их было? Которые клялись на рельсы ложиться, а? Ну и что? Лег хоть один?

– Про этих я и говорить даже не хочу! Такие, как они, не стреляются, Василь Васильич.

– Ну да, как и те, кого мы сегодня ждем?

– Это точно!

Если рассуждать по-честному, то Турецкий был не особенно уверен, что те, кого «они сегодня ждали», вообще придут. Была надежда, что клонут на ту наживку, что подбросил им Турецкий. Вот поэтому и сидели они с майором Су-

кромкиным, время от времени, будто нечаянно, притрагиваясь ладонями к рукояткам заткнутых за пояса «макаровых». И сторожили дверь, которая вела – это уже точно знал Турецкий – из данного подвала в хранилище коммерческого банка «Атлант», где, по идее, должны были находиться секретные материалы, определявшие в последнее время весьма сложные взаимоотношения бывших компаньонов, а нынче заклятых врагов: президента «Атлант-универсала» Рафика Магомедовича Кармокова и генерального директора частного охранного предприятия «Центурион» Георгия Дмитриевича Остапенко, в прошлом – генерал-майора КГБ.

И этим двум свирепым хищникам было отчего в буквальном смысле пытаться замочить друг друга. На кону, как всегда в уголовном мире, стояла вполне реальная сумма в восемьсот миллионов долларов, которую российское правительство, через «атланта» господина Кармокова, выделило целевым назначением на подъем экономики разрушенной Чечни. А «Центурион» господина Остапенко обеспечивал транспортировку и охрану груза, который так и не дошел до получателя, ибо бесследно растворился в офшоре соседней Ингушетии. Партнеры обвиняли друг друга. Счетная палата не могла обнаружить никаких концов. А те, кто в своем старании приближались к этой тайне, пытаясь нащупать хотя бы кончик ниточки, просто исчезали. Как исчез, будто сквозь землю провалился, советник юстиции Потапчук. Либо их расстреливали киллеры по подъездам, как это случилось с

журналистом Евгением Арбузовым. Или сбивали «случайной» машиной, которая потом нашлась в двух кварталах от места происшествия, как случилось со следователем Генпрокуратуры Иваном Колосовым. Либо... либо... либо... Этих совсем неслучайных жертв было слишком много, чтобы не видеть самого главного: смерть грозит всякому, кто приближается к тайнам банка «Атлант» или ЧОПа «Центурион».

Все это достаточно хорошо знал «важняк» Турецкий, хотя майора Сукромкина он посвятил перед выходом на задание лишь в самое необходимое...

Медленно тянулась апрельская ночь. А тех, кого ожидали, все не было. Иногда Василий Васильевич коротко подсвечивал свои часы фонариком и тихо называл время: «Четыре прошло... А теперь – шестой, пятнадцать минут...»

Самое бандитское время утекало, с точки зрения двоих, сидевших в засаде, просто бездарно. И о чем они там себе думают?! Ведь через какие-нибудь три часа начнется смена охраны в банке. А сейчас самый сон. Вон даже Василий Васильевич и тот постепенно стал умолкать. Бормотал все тише. Стал рассказывать про какую-то новую бабу из Пензы, куда его однажды забросила командировочная судьба. Но рассказывал он словно самому себе, и Турецкий слушал невнимательно. Напрягать слух не хотелось. Да и самого тоже в сон клонило...

А Сукромкин продолжал невнятно бормотать:

– Какая-то, понимаешь, у нас гребаная проверка, грязь и

серость, а тут она – лепесток, а! У меня жена и двое детей – дочка с сыном. Бросать – карьера к черту! Не уходить – с ума свихнусь... Вот и думаю: карьера или счастье?...

Что– то Василий Васильевич заиклился на этих своих бабах, подумал Турецкий. Наверняка пунктик у него появился.

– Но ты ж и сам понимаешь, Саша, что баба – она в конечном счете и есть баба. Уж и посмотрелся я на них, а все тянет. Счастье-то понятно какое: иллюзория. Тут, к примеру, просто вздрючить – мне уже мало. Как говорил мой бывший начальник Коля Галушкин – экзистенция. А с другой стороны – карьера. Грубое слово. Только ведь вовсе и не карьера меня удержала, а дело. Что ж, думаю, ты за мужик будешь, если без дела, а?... Тихо! – вдруг внятно прошептал Сукромкин и напрягся. – Идут!...

Турецкий вмиг потерял всякий сон, напрягся, но ничего не услышал. И едва хотел ответить, как почувствовал на своих губах пропахшую табаком, жесткую ладонь майора. И сразу рука невольно потянулась к животу, к теплой рукоятке пистолета.

Прошло не меньше минуты, когда и до слуха Турецкого донеслось осторожное шарканье ног. Шли как минимум три человека. Шли они молча. И целенаправленно. То есть, иначе говоря, знали, куда и зачем двигались.

Турецкий не услышал, а увидел, почувствовал кожей, какое движение сделал Сукромкин. Тот сперва пригнулся, а

затем так же неслышно распластался на бетонном полу, оставив левую руку далеко в сторону. Сам Александр Борисович плотнее прижался к стенке квадратной колонны с другой стороны, открыв себе справа поле обзора.

Бронированная дверь находилась там, и к ней, словно тени, чуть шаркая подошвами, двигались три полусогнутые фигуры. Они остановились около двери, точнее, в том месте, где она должна была находиться. Но в темноте ее видно не было. А сами фигуры различались теперь лишь благодаря непонятным колебаниям воздуха в этом подвале. Что-то стало позвякивать, видно, пытались найти ключ. Свои же люди! Поди, еще недавно могли служить в охране этого самого банка. До той поры, пока хозяева не рассорились и охрана не перешла к другому ЧОПу, которое называется «Стрелец-98». По сведениям Турецкого, директором «Стрельца» стал Вадим Баранов, бывший заместитель Остапенко. И тут тоже бывшие соратники стали врагами. А когда Московская городская прокуратура возбудила уголовное дело против директора «Стрельца» в связи с найденными, по чьей-то определенной наводке, в его автомобиле двумя незарегистрированными пистолетами иностранного производства, ну и прочим – по мелочи, тот вдруг дал показания против своего бывшего начальника. Можно только догадываться, какие шаги предпринял бывший бравый чекист, отставной генерал Остапенко. Но обвинения с Баранова почему-то сняли, дело прекратили, материалы срочно отправили в архив, а самого

Баранова выкинули в прямом смысле из Бутырок на волю. Но домой он так и не доехал. На следующее утро его обезображенный труп был найден в районе Митина. Хотя квартиру он имел в Теплом Стане...

Теперь «Стрельцом» руководит некто Игорь Дмитриев, сведения о котором самые расплывчатые. Но при всем при том пока ясно одно: те, которые возились у бронированной двери в банковское хранилище, не служили в «Стрельце». Это были, скорее всего, и на это очень надеялся Турецкий, конкуренты из «Центуриона».

А они, между прочим, совсем осмелели. Даже зажгли сильный фонарь и, бегло проведя лучом вокруг и ничего не обнаружив, положили его на пол так, чтоб он осветил им дверь. Отличные получились мишени!

Подобравшись и приняв удобную для стрельбы позу, Турецкий легко шлепнул ладонью по колонне, привлекая внимание Сукромкина, и, выставив перед собой «ствол», громко скомандовал:

– Внимание! Вы окружены! Оружие – на пол! Лицом – к стене!

И тотчас одна из освещенных фигур у двери, ринувшись в сторону, исчезла за такой же бетонной колонной, за которой прятались Турецкий с Сукромкиным. А следом грохнул выстрел. Пуля выбила бетонную крошку над головой Александра, и осколки больно брызнули в лицо. Он на миг зажмурился, но тут же выстрелил и сам во вторую, метнувшу-

юся влево тень. Послышался вскрик. Попал! Снова ударила пуля – пониже, и снова остро брызнуло в глаза. Ну да, они же бьют на голос и на звук выстрела.

С другой стороны колонны выстрелил Сукромкин. Но ответом были быстро удаляющиеся прыжки. Один сбежал, второй определенно ранен, просто его не видно, потому что тот, который прятался за колонной, третий, очередным выстрелом разбил свой фонарь. И теперь поединок велся в темноте.

Александр решил сменить место и коротким рывком нырнул за колонну, в сторону майора. Пока Турецкий нащупал руку Василия Васильевича, пока требовательно вынул из его ладони фонарь, а затем, подняв его и отведя в сторону, постарался направить так, чтобы луч сразу осветил того, третьего, раздался еще один выстрел с той стороны, но на этот раз болезненно вскрикнул Сукромкин.

Турецкий включил фонарь и увидел лежащего на полу человека, который держал в обеих вытянутых перед собой руках пистолет и на миг зажмурился от ослепившего его света. Выстрел – и руки лежащего упали на пол, выронив оружие.

Но где третий? Этот сукин сын где прячется?!

Турецкий снова отпрыгнул в сторону, и пуля тут же обожгла его поднятую над головой левую руку, в которой находился фонарь.

Фонарь грохнулся на пол и погас.

Турецкий дважды выстрелил туда, откуда прилетела эта проклятая нуля, но когда смолкло странное в этом подвале

эхо от его выстрелов, он услышал быстро удаляющийся топот бегущего человека.

И тогда он достал из кармана зажигалку, высек пламя и нагнулся над Сукромкиным. Тот лежал ничком, уткнувшись в пол лицом. Правое его плечо было в крови. Куда попала пуля, рассмотреть было трудно, поэтому Турецкий просто поднял неожиданно очень тяжелого майора на руки и пошел в сторону выхода.

Идти было трудно, потолок подвала был низким, а огонек зажигалки видимости не добавлял. Скорее, наоборот, мешал ориентироваться. И Александр погасил ее, тем более что накалившийся металл стал просто жечь ладонь.

Когда же он, задыхаясь от тяжести и усталости, выбрался наружу, во двор, заставленный ракушками индивидуальных гаражей, уже практически рассвело. Положив Сукромкина на землю, Александр наконец смог осмотреть окровавленное плечо майора и увидел, что пуля вошла над ключицей в дельтовидную мышцу и, скорее всего, застряла под правой лопаткой. Крови было много. Но Сукромкин дышал, хотя и был без сознания.

Турецкий достал свой носовой платок, с сомнением прикинул его чистоту, но затем вспомнил о металлической фляжке с коньяком, которая на всякий случай покоилась в заднем кармане брюк. Сейчас оказался как раз именно тот случай. Коньяк был вылит частично на платок, а остальное – на рану. Затем Александр прижал платок к ране. И только

после этого достал из кармана «мобильник» и стал звонить Славке. Ну а кому же еще? Его же кадр лежал тут без сознания...

Сонный Грязнов сперва ничего не мог понять, потом выматерился и закричал, чтоб Саня ничего «там» руками своими не трогал, а он придет немедленно и вызовет бригаду. Это ж надо придумать! Доигрались!

Из всех этих суматошных выкриков и беспомощных матерков Турецкий понял, что и Грязнов совсем не верил в необходимость ночной засады. Не должны были прийти «центурионы» за компроматом на себя. А они вот взяли да и пришли. И еще стрельбу затеяли... Первыми кстати.

Только отключившись, Александр подумал, отчего это у него самого так жжет руку. А когда взглянул и увидел продырявленный рукав своей любимой кожаной куртки, а вокруг будто обожженной дыры кровавые «сопли», почувствовал, что и ему становится малость дурно. И даже пожалел, что по инерции использовал весь коньяк...

Все— таки нельзя быть таким беспечным дураком...

Глава вторая

РАЗГОН

Может быть, впервые за долгие годы совместной работы Турецкий видел, что Меркулов был разъярен не на шутку. И не изображал, не делал вида, как порой заставляла необходимость, а был действительно взбешен. Очень неприятное оказалось зрелище. Особенно когда причиной подобной реакции являешься ты сам.

Но, надо отдать должное, Костя все-таки старался сдерживать себя. Говорил негромко и раздельно. Грязнов, сидевший сбоку его стола, старательно рассматривал свои ногти. Будто маникюром собирался заняться. После того, разумеется, как Костя выдаст все, что сможет. В том, что главное еще впереди, можно было не сомневаться: крупные Костины кулаки с побелевшими от напряжения костяшками пальцев подрагивали на столе, и моментами казалось, что Меркулов сейчас вскочит и кинется на Турецкого, стоявшего перед его столом навывтяжку.

Грязнов поморщился, он подумал, что зря Саня демонстрирует такую воинскую послушность, хотя на самом деле наверняка думает иначе, о чем не может не догадываться мудрый Костя. И оттого еще больше ярится. Вот же чертovy характеры!...

– Итак, Александр Борисович, ты все-таки полез в этот подвал. Объясни зачем?

Турецкий молчал, отсутствующим взглядом скользя по меркуловскому лицу.

– Ты великолепно знал, что после того полнейшего провала, когда городская прокуратура продемонстрировала свое абсолютное ничтожество и неумение работать, дело против руководителя «Стрельца» было закрыто, а все материалы отправлены в архив. Навечно! Так? Отвечай, пожалуйста, сделай мне такое одолжение.

– Я отвечаю, – неожиданно скучным голосом сказал Турецкий. – Только оставь и ты, пожалуйста, свой просительный тон.

Грязнов даже крикнул. Ну Санька наглец! Всему же есть предел.

– Хорошо, – вдруг согласился Меркулов. – Сядь и говори. А мы с Вячеславом слушаем. Нам, видишь ли, интересно знать, за что, за какие грехи, ты нас с ним таким мерзким образом подставил? Именно подставил!

– Я надеюсь, – опустив голову, сказал Турецкий, – что тебе, Константин Дмитриевич, про Славку не говорю, я ему все-таки кое-что объяснил, известно, как закрыли – а главным образом почему – дело «Стрельца»? Вопрос, понимаю, риторический. Ответа я не прошу, но хочу, чтобы ты спокойно выслушал и мою точку зрения. А она следующая. Но для отработки версии требуется некоторый экскурс в глубь

вопроса. Если нет возражений.

Меркулов с сомнением посмотрел на Грязнова, продолжавшего изучать собственные ногти, хмыкнул и, как бы в раздумье, качнул головой из стороны в сторону,

– Ладно, – сказал сухо. – Я готов еще раз тебя выслушать. Но только без лирики. И без пафоса. Не надо там... честь, совесть... слышали!

– Только по делу, – возразил Турецкий.

Меркулов кивнул.

– История вопроса восходит к временам известной аферы с восемьюстами миллионами долларов. По нынешним временам и сумма-то не крупная, но на объективный взгляд она была поводом, или последней каплей, которая переполнила чашу наших «героев» в кавычках, то есть бывшего генерала КГБ Остапенко и банкира Кармокова, некогда, подчеркиваю, неразлучных друзей...

– Нет, – брезгливо взглянул в сторону Грязнова Костя, – он просто не может уже без дурацких своих «красивостей». Тоже в кавычках!

Турецкий улыбнулся:

– Чтобы не затягивать предыстории, я просто процитировал одну строчку из статьи Евгения Арбузова. Ныне покойного.

– Ладно, извини, – буркнул Меркулов. – Но все-таки сделай милость, постарайся...

– Он постарается, – серьезно сказал Грязнов. А Костя при-

крыл ладонью лицо.

– Итак, деньги, – без тени уже улыбки продолжил Турецкий. – Напомню просто, что во времена оны Остапенко сумел подмять под себя несколько охранных агентств. Среди них был и известный ныне «Стрелец-98», который возглавлял Вадим Баранов, бывший, кстати, губоповец, ставший затем первым заместителем Остапенко. Но во время известной ссоры, которую с достаточной осведомленностью описал в своем очерке Евгений Арбузов в газете «Московский наблюдатель», Баранов разорвал свои отношения с Остапенко и, по сути, возглавил службу безопасности в банке Кармокова.

– Ну это нам уже известно, – поторопил Меркулов.

– Я знаю. Но мы же сейчас говорим о версии. Так наберитесь терпения и выслушайте хотя бы до конца!

– По-моему, он прав, – буркнул Грязнов.

– Валяй, – махнул вялой ладонью Меркулов.

– Дальше, как вы, возможно, помните, было предотвращено покушение на Кармокова, и в перестрелке «стрельцов» с киллерами те двое были убиты. Оpoznаны как активные персонажи из измайловской оргпреступной группировки, по некоторым сведениям находящейся «под рукой» бывшего генерала Остапенко. Сведения – тоже из материала Арбузова.

– Но это еще не доказательства! А предположения – не факт! – Меркулов назидательно поднял указательный палец.

– Согласен, – смиренно отозвался Турецкий. – Идем даль-

ше. Однако подозрения упали-таки именно на Остапенко. Писал-то ведь об этой криминальной связи не один Арбузов. Но когда пошел уже поток публикаций – и о прошлом генерала Остапенко, и о его настоящем, причем фактура появилась неизвестно откуда, хотя у меня на этот счет есть свое твердое мнение, вот тогда... Прошу заметить, не МУР и даже не Следственный комитет ГУВД дает команду, а просто какой-то там капитан из ДПС на Варшавке по собственной инициативе останавливает «ауди» с мигалкой на крыше, принадлежащую Баранову и с самим хозяином «Стрельца» за рулем, и с ходу обнаруживает под водительским сиденьем два незарегистрированных пистолета иностранного производства, патроны к ним, а также целых четыре дозы чистейшего героина в расфасовке – для продажи, естественно, так надо понимать. Потому что больше тому заниматься нечем. Вячеслав, ведь знакомый стиль! Погоди, реакция мне твоя не нужна. Идем дальше. Баранов задержан и препровожден сразу в Бутырки. Следствие поручено Генке Потапчуку – из межрайонной прокуратуры Южного административного округа. Я отмечаю только главные пункты. Баранов быстро «колется» и выдает Потапчуку сногшибательный материал на Остапенко. С указанием ряда его прежних акций и, соответственно, перечислением действующих лиц. Дело тут же забирает к себе Следственный комитет. Через неделю при неясных до сих пор обстоятельствах исчезает Гена Потапчук. Просто вышел из дома, а на работу не явился. Это слу-

чилось прошлой осенью. Потом пришла зима, снег выпал. Короче – висяк. Еще неделю спустя неожиданно, по указанию свыше, прекращается дело Баранова как явно сфабрикованное неизвестными лицами с неизвестной целью. Я ничего не путаю?

– Ну-ну... – буркнул хмурый Меркулов.

– Баранов освобожден. Сообщает своему адвокату, что прямо с Новослободской едет к себе в Теплый Стан, домой, отказываясь даже от адвокатской машины. А утром следующего дня его изуродованный труп находят недалеко от Митинского кладбища, то есть в противоположной стороне, на свалке. Даже до кладбища не донесли, мерзавцы. Извините за излишнюю эмоцию. Итак, дело закрыто, Потапчук исчез, Баранов убит. Ты, Костя, понимая, видимо, абсурдность происходящего, поручил мне просмотреть материалы расследования – в порядке надзора. Для пополнения информации я тайно встречаюсь с журналистом Арбузовым. Беседую. Два дня спустя Евгения убивает киллер. Двумя выстрелами – оба в голову. В подъезде. Убийца, разумеется, как обычно, не найден. Оружие засвечено в Чечне. И это – все. Далее... Не волнуйтесь, я кончаю. По твоему же приказу, Костя, я передаю десять томов материалов Ване Колосову, из нашего управления. А сам улетаю в Челябинск – расследовать причины губернаторского скандала, а заодно, извини, произвести «разводку», с которой бы справился любой Славкин опер. А возвратившись «со щитом», как говорится, узнаю,

что Ваня Колосов тоже убит. Точнее, сбит неизвестной машиной, которая была угнана, а затем брошена в трех кварталах дальше. Типичная «заказуха». Но самое странное – все вроде бы горюют о потерях, но ни одна сука не удивляется! Почему? Вот и я задался этим вопросом. И на поминках Вани сказал одному-другому газетчику, что я готов угадать «заказчика». И назвал Остапенко. На него, мол, у Кармокова есть очень серьезный компромат, который банкир хранит у себя за семью замками. Арбузов одно время даже как-то близок был с банкиром, навещал, отдыхали вместе. Он видел материалы и вот – убит. Колосов только прикоснулся к ним – и его нет тоже. Короче, с тех пор я все ждал. И вот наконец сработало!

– И это ты называешь версией? – сухо спросил Меркулов.

– Да уж что есть... Я понимаю, Константин Дмитриевич, что, отстраняя меня от этого дела, ты просто спас тогда мою голову. Но, прости, не совесть. Извини, вырвалось.

– Ты вот спросил по ходу выступления: не путаешь ли ты чего? Так я хочу ответить: путаешь. Не знаю, сознательно или по забывчивости. Вадима Баранова, между прочим, освободили не по «чьему-то», как ты говоришь, указанию свыше, а по той простой причине, что он полностью и категорически отказался от своих прежних показаний! Не помню, возможно, я тебе не говорил, что нашего генерального вызывали чуть ли не в президентскую администрацию и там объясняли, чем занимается у нас прокуратура и как она вы-

шибает нужные ей сведения из подследственных!

– Минуточку! – Турецкий предупреждающе вскинул руку. – Это у нас что, первый случай такой?

– Чего, вышибания?

– Не-а, рассмотрения «вопроса» в администрации самого господина президента?

– Не изображай идиота, Саня, – устало отмахнулся Меркулов. – Все-то ты прекрасно понимаешь...

– Да, я понимаю. Больше того, я знаю сам, как это все делается. Как без всякого принуждения даются показания, а потом от них так же легко отказываются. И наоборот бывает – когда действительно вышибают, а у бедняги подозреваемого отказ – единственная возможность уцелеть. А кроме того, мы со Славкой прекрасно знали Генку Потапчука, так что не надо мне лапшу... на уши... гражданин начальник. А, кстати, где сейчас те десять томов с материалами?

Меркулов не ответил, лишь отмахнулся от Турецкого, как от назойливой мухи.

– Ну предположим... – сказал он. – Только предположим, что в тебе здравый смысл пересилило довольно эфемерное понятие какой-то там совести... Да погоди ты! – крикнул с гневом. – Сам полез в этот чертов подвал! Так то ж ты собственной шкурой рисковал! А почему же ты другого человека потянул с собой?! Почему ты позволил себе рисковать его жизнью?! Что я должен говорить его жене и детям?

– Если ты думаешь, что я использовал Василь Васильича

втемную, ты глубоко ошибаешься. Он знает суть. Подробностей же оперативнику совсем не нужны. И он действовал верно. Просто нам обоим не повезло – в разной степени. Меня легко задело, а ему, к сожалению, досталось. Да чего ты на меня навалился? Славка был там, видел, может подтвердить. Никто нарочно под пули не лез. Просто мы столкнулись с настоящими профессионалами. Это не бандиты. Это – профи. А они служат у Остапенко. Судя по следам в подвале, один из них был ранен. Не знаю, мной или Василь Васильичем. Убежал. Вот и надо устроить проверку кадрового состава «Центуриона». Или опять руки короткие?

– Послушай, Александр Борисович, а что это ты все нарываешься? – уже грозно спросил Меркулов. – Тебе мало, что по твоей дурной затее человек в госпитале помирает?

– Ну, положим, не помирает. Мы звонили вон со Славкой. Положение стабильно тяжелое. Но ведь стабильное же! А чего ж ты хочешь, если человек столько крови потерял? Я на него весь свой коньяк извел. Даже самому ни капли не досталось...

– Убитого опознали, – сказал вдруг Грязнов. – Я просто не успел вам сказать, позвонили мне перед самым-самым. – Вячеслав показал на дверь кабинета Кости. – Проходит он у нас по картотеке, Захар Ершов, кличка Слесарь. Профессиональное погоняло, дополнительных объяснений, думаю, не требует. Измайловский опять же. Две ходки, обе по сто шестьдесят первой, пункт третий. Профессиональный гра-

битель.

Меркулов как будто немного остыл, но, взглянув на Турецкого, снова налился кровью.

– Ну скажи мне, кто тебе разрешил заниматься этой проклятой самодеятельностью?! У тебя есть на это санкция?!

– Есть.

– Кто тебе ее подписал? Ну?

– Ты, Константин Дмитриевич.

– Я-а-а?! Нет, это уж слишком! Вячеслав! – Он умоляюще уставился на Грязнова. – Ну хоть ты объясни ему, как называется то, что он натворил! Это же... Нет, я просто не нахожу слов! Ты понимаешь, этот сукин сын уже использует меня! Подсовывает какие-то свои бумажки! А ведь я не помню, честное слово, чтоб подписывал подобное постановление... Саня, ну что ты творишь? Опомнись! Ты же не знаешь этих мерзавцев!

– Это я?! – изумился Турецкий.

– Да, ты. И я сейчас это окончательно понял. Все, разговор окончен. Баранов сам отказался от своих показаний против «Центуриона» и, стало быть, против Остапенко. Все материалы отправлены в архив. Генеральный дал категорическое указание любые следственные действия в отношении указанных лиц прекратить. Не мешать им спокойно работать...

– ...и дальше убивать людей, – в тон ему продолжил Турецкий.

– И... Что ты сказал? – нахмурился Меркулов.

– Я сказал, что весьма сожалею о безвинно пролитой крови Василь Васильича. Но сейчас, увы, апрель. Нехороший для него месяц.

– Не понимаю, при чем здесь апрель?

Грязнов хмыкнул. Меркулов недоверчиво посмотрел на него, а Вячеслав кивком головы отослал его взгляд к Турецкому: мол, ты его послушай, а я-то давно в курсе.

– Он мне вчера ночью сам об этом сообщил. Апрель, говорил, какой-то несчастливый месяц у него. В позапрошлом году чуть не убило осколком мины под Старыми Атагами. В прошлом – микроинфаркт схлопотал.

– Да, не везет мужику, – вздохнул и Грязнов. – И нынче опять в апреле. Немало труда стоило отстоять его... Сами знаете, майор, всю жизнь складывалось так, что в последний момент то чепэ какое-нибудь, то еще... Ну а теперь – дай бог, чтоб оклемался. Безо всяких возражений – сразу на пенсию. Жалко, конечно, мог бы поработать, молодняку подсказать...

– Видишь, что ты и тут натворил? – Меркулов осуждающе посмотрел на Турецкого,

– Вижу... – Турецкий сморщил нос. – Вон и в Нигерии очередной переворот. И в Венесуэле опять беспорядки...

– Ну при чем здесь это?! – прямо-таки взвился Меркулов. – Зачем ты нарочно меня злишь?! Сколько, наконец, можно?!

– А сколько можно наши повседневные оперативные за-

боты и некоторые проколы – да, и без них не бывает! – возводить черт-те в какую степень? – в том же, довольно резком, тоне ответил Турецкий. – Это наша мужская работа, которой я в конечном счете горжусь! А кому не нравится, кто считает ее слишком опасной для себя, пусть идет и подметает улицы! Метла – тоже кое для кого достойное оружие!

– Нет, ты понял, Вячеслав, куда он меня посылает? Куда он нас с тобой, да?

– Демагог! Не передергивай... Взял, понимаешь, манеру... – огрызнулся Турецкий.

– Ну все! – Меркулов резко шлепнул ладонью по столу. – Приказываю. Если желаешь, будет в письменном виде.

– Желаю.

– Будет!

– Не пугай!

– Ладно, тогда объясни вот нам, дуракам, зачем ты затеял эту свою провокацию, в результате которой пострадал человек?

– Именно для вас и объясняю! – запальчиво вскочил Турецкий.

Меркулов с Грязновым переглянулись и... не сдержали улыбок.

– Валяй, – подначил Грязнов.

А Турецкий вдруг словно потерял всякий интерес к предмету жаркого спора. Он посмотрел на лучших своих друзей, которые так ничего и не поняли. Хуже – и не собирались по-

нимать. Потому что, хочешь ты или не хочешь, главным для них обоих все-таки оставалась карьера, будь она проклята... Высокие посты, широкие погоны. Нет, конечно, ничего отвратительного в их позиции не было, такова жизнь, в конце концов. Однажды человеку надоедает воевать и повсюду с пеной у рта доказывать свою правоту, и он как бы стихает. Отмахивается и говорит самому себе: какая разница? Ну станет по-моему, а что это изменит в целом? Да ничего. Зачем же ломать копья? Заводить недругов? Делать из друзей собственных же противников? Не хватит ли? И вдруг осознает, что хватит. Ибо жизнь и без того так коротка, что многих удовольствий ты лишаешь себя сам – по определению. Любимое выражение молодых политиков...

Ну что им объяснять, если они до сих пор сами не захотели ничего понять?... Или, может, в самом деле послать все к черту?...

– Я попробую, – тихо сказал он. – Но, если можно, в последний раз!

– Вот-вот, попробуй. – Словно успокаивая его, Меркулов пожестикулировал ладонью. – Да, Вячеслав?

Грязнов кивнул.

– Никакого компромата у Кармокова на Остапенко не имеется. Или, может, он есть, но я лично о нем ничего не знаю. А журналистам я закинул пустую удочку. Они сами приготовили наживку. Я ждал – клюнут или нет? Клюнули! Значит, рыло у Остапенко в ба-альшом пушку! А еще это

означает, что ему есть чего бояться. Дверь-то действительно ведет из подвала в хранилище банка, уж ему ли не знать! Потому и Слесаря наняли.

– Получается, что ты спровоцировал их? – спросил Меркулов.

– Нет, я вызвал огонь на себя. И теперь уже они от меня не отстанут. Что и требовалось доказать.

– Типичное мальчишество, – подвел итог Меркулов.

– Ты не прав, Костя. Это – тактика. Раз Остапенко клюнул, значит, документы, компрометирующие его, все-таки есть! Я же сказал журналистам, что Арбузов их лично видел. За что он и поплатился головой.

– Но сейчас это тебе зачем, когда дело раз и навсегда закрыто?

– Оно просто не может быть закрыто, тут ты, Костя, не прав. А вот что бывшие компаньоны старательно обрезают все концы – это видно. Убирают же всех причастных! Всех, кто хоть раз прикоснулся, даже следователей, которые проникли в их тайны.

– Получается, что на очереди – ты! – резко сказал Меркулов.

– Не исключаю. Но думаю, что информация им нужна больше, чем жизнь какого-то там «важняка». На этом я и построил расчет.

– Нет, такой вариант нас с Грязновым не устраивает, – категорически помотал головой Меркулов. – Подтверди, Вяче-

слав!

Грязнов неопределенно пожал плечами, чем вызвал новую волну раздражения у Кости.

– Ну раз вы оба такие умные, а я у вас, стало быть, отпетый дурак и ретроград, то придется применить силу. Слушай, Турецкий, внимательно. Решение окончательное и больше обсуждению не подлежит. Никакие банки и охранные агентства, никакие самостоятельные дела с сегодняшнего дня тебя, Саня, не касаются. Это – приказ! Но зато у меня есть для тебя достойное и важное дело, которым ты с завтрашнего утра и займешься. Работа, честно говоря, нелегкая и вдобавок – пыльная.

– Это еще что? – пробурчал Турецкий.

– Архив.

– Что-о? Какой архив?

– Наш, Саня. Прекрасное место для досужих размышлений. Завтра с утра зайдешь ко мне и получишь конкретное указание, что надо найти и где примерно. Несколько важных документов и еще кое-что – по мелочевке.

– Ты смеешься? Да мне проще уйти из Генпрокуратуры! – И подумал: а что, чем не повод?

– Ни в коем случае! Кстати, приказ на этот счет ты прочитаешь первым. И еще деталь. Завтра к тебе зайдет практикант. Начинать вводить паренька в курс наших дел. Учи смену.

– Ты решил всерьез похоронить меня? – Турецкий вдруг

понял, что его реплика прозвучала весьма двусмысленно, просто Костя не догадывается.

– Напротив! – улыбнулся Меркулов. – Я пытаюсь спасти твою жизнь. Избавить тебя от острой необходимости совершать глупые и опасные поступки. Подтверди, Вячеслав.

И опять Грязнов неопределенно пожал плечами. И собственные ногти стал пристально рассматривать. Манера у него в последнее время, вишь ты, такая появилась. Как у того колхозного председателя из старого анекдота, который во время заседания в райкоме партии, где его «чистили» за непослушание, все какие-то движения ладонями делал. Вот озадаченный секретарь райкома его и спрашивает: чего ты, мол, изображаешь, тут серьезный вопрос, а ты... А я, говорит, никак не пойму, каким же это образом ежики совокупляются? И так иголки, и так... Вот и Вячеслав со своими ногтями...

Не дождался поддержки Меркулов, в который уж раз нахмурился и сурово заметил:

– Между прочим, не ты один у нас такой недоступный! Уже по всем отделам розданы практиканты. Так что принимай молодца. Пока не поздно... Все, свободны... Кстати, – остановил он их уже возле двери, – а где ты вчера весь день был?

– Отсыпался дома, – хмуро ответил Турецкий.

А Грязнов добавил, поняв по-своему:

– Пока мы нынче с Сукромкиным разобрались... Потом

подвалы обследовали, криминалист гильзы собирал, следы там всякие, то-се, потом труповозку вызвали, ну ты сам понимаешь, Костя, забот хватало... Да и он тоже. Дырка-то в палец! Так что во второй половине дня только и закончили.

– Понятно. Мог бы доложить! – крикнул вдруг и махнул рукой – иди отсюда!

Грязнов с Турецким вышли.

В приемной Меркулова вместо привычной Клавдии Сергеевны сидела какая-то новая девица. Она с любопытством посмотрела на меркуловских посетителей. Грузный рыжеватый генерал милиции хоть и не старый еще, но какой-то усталый, что ли, и равнодушный. Прошел, даже глаз на нее не кинул. А ведь было на что посмотреть, она-то уж хорошо знала. И второй – о нем успела услышать – высокий, крепкий, сразу видно, но тоже чем-то озабоченный или даже разозленный, этот скользнул по ней почти невидящим взглядом, скривил губы и что-то почти на ухо сказал генералу. Тот громко и презрительно хмыкнул и осуждающе покачал головой. Так и ушли. И не посмотрели. Обидно. Про этого длинного, Турецкого, ей уже сказали, что он еще совсем недавно ни одной симпатичной женщины не пропускал. Такой ловелас! И ведь что поразительно: не отказывали! Это ему-то?! И секретарша, как только что тот генерал, презрительно пожала своими восхитительными, в этом-то она была абсолютно уверена, бархатными плечиками...

– Да, брат, устроил нам Костя разгон, – идя по коридору,

сказал наконец Грязнов, подводя этим черту под «беседой» в кабинете заместителя генерального прокурора.

– Нам... скажешь тоже! – фыркнул Турецкий.

– Ну да, ты ж у нас один такой... решительный... А я с ним уже с утра душеспасительный разговор имел. Когда прикрывал тебя. Ни спасибо, ни... Как же, дожدهшься тут от вас!...

– Ладно, Славка, не рычи. Я сейчас думаю о другом. Никакие Костины потуги закопать окончательно это дело положительного, в смысле желаемого им, результата не дадут. Поздно. Волна уже пошла.

– Да чего ты на него тянешь? Он, что ли, всему причина? Повыше такие вопросы решаются. Ты же сам слышал...

– Это неправильно.

– А кто возражает?

– То-то и оно, Славка, что никто уже не возражает. Прошло время «большого хапка», начинается время «равнодушного молчания».

– Ну а раз сам же и знаешь, так какого же... извини? Совесть, долг! Кончай ты с этой тряхомудией! Никто уже давно никому ничего не должен! И точка. А что люди гибнут, так опять же твои слова – такая наша работа. Всегда было и будет. И нечего воздух зря сотрясать. Ты вот лучше послушай. Я тут одну тачку присмотрел! Ох, Саня, скажу тебе! Ну просто слов нет! До конца этой недели, я думаю, мы ее обязательно хорошо обмоем. Нет возражений? Чтоб широко, по-нашему.

– Еще дожить надо, – вздохнул, думая о своем, Турецкий, чем почти оскорбил друга.

– Да ты чего? – выпучил тот глаза. – Как это – дожить? Тебе ж не велено теперь и шага с Дмитровки ступать! Кончай, Саня, со своими действительно дурацкими экспериментами. Ведь наспигуют, верь слову, еще как наспигуют! А тебе это надо? Ты чего себе думаешь, измайловские не знают, кто им в подвале «мочилов» организовал? А если даже и не знают, так умные люди подскажут. А Слесарь, между прочим, был у них в большом авторитете.

– Брось ты, – отмахнулся Турецкий, – волков бояться... знаешь?

– Давай-ка я к тебе своего приставлю, а? Чтоб покатался с тобой, приглядел.

– И не думай! Прогоню. Да и прав у тебя таких нету, если я сам не пожелаю иметь «личку».

– Трудно с тобой, Саня, – поморщился Грязнов. – С Ирой-то как? – спросил после паузы.

– А никак. Живут. Нинка вот звонит. Вечерами. Когда мать куда-нибудь смывается. На концерт, естесно! А дочка дома одна. Вот ей надоедает уроки делать, она и звонит папуле... Ах, Славка, будь оно все проклято! Ну почему всегда наперекосяк?!

– Не кричи. Ты ж на службе все-таки. А вон какой-то хлопек тебя поджидает. Гляди, уж не практикант ли обещанный? – Грязнов хохотнул и похлопал друга по плечу. – Лад-

но, Саня, держи хвост морковкой, тогда сам в суп не попадешь. Поеду. Так про обмыв тачки не забудь. Я завтра время уточню. Да, и напоследок, Саня. Ты уж не учи того паренька нашим с тобой глупостям. Хватит, мы с тобой уже динозавры, скоро повымрем. Закон природы. Пока.

И, махнув рукой, он ушел по лестнице вниз.

А Турецкий вдруг подумал: с какой вообще-то стати на сегодняшнем разгоне присутствовал Вячеслав? Зачем его Костя позвал? Для поддержки? Тогда – чьей? Он что же, не уверен был разве в своей правоте? Сомневался в своих действиях? Или, наоборот, не сомневался, но хотел присутствием Славки как бы еще больше усугубить вину его, Турецкого? Черт их всех знает, оба – темнили порядочные.

Но у каждого – свои личные заботы. Каждый хочет дожить спокойно. Вон Славке сейчас нужнее всего его новый автомобиль. А Косте что? Тишина? Чтоб тот же генеральный на него постоянно собак не спускал? Из-за Турецкого, разумеется. Да и других непослушных хватает, не бельмо же у него на глазу этот Александр Борисович!...

Возле кабинета и вправду разгуливал молоденький и невзрачный паренек.

– Ты, что ли, практикант? – спросил Турецкий, подходя ближе и протягивая ему руку.

– Я, – ответил тот.

– Быстрый ты, смотрю. Звать как?

– Максимом. Максим Петлицын, – поправился он.

– Понятно. Свободен, Максим.

– Не понял?

– Это плохо, что не понял. Ты обязан все схватывать на лету. Иначе какой же ты тогда практикант? Никакой, получается. Свободен – это и значит: свободен. Завтра приходи. Сегодня я не готов принять тебя. Дела у меня сегодня. Ясно?

– Ясно. А завтра когда?

– А ты пойди сейчас на тот этаж, – Турецкий показал пальцем вверх, – найди кабинет заместителя генерального прокурора по следствию Меркулова, зайди в приемную... Там у него секретарша, такая вся из себя, у нее и спроси, когда в нашем доме начинается рабочий день. И приходи завтра, минута в минуту. Понятна диспозиция?

– У вас тут, смотрю, по-военному?

– Ага, в мундирах ходим. И ты тоже будешь ходить. Если вовремя не передумаешь и не сбежишь. Привет.

Турецкий отдал ему честь, повернулся и ушел в свой кабинет, заперев за собой дверь.

Он открыл сейф, из глубины достал фляжку коньяка, отвинтил пробку и, сделав маленький глоток, погонял коньяк во рту, после чего пробку завернул и спрятал фляжку обратно.

Из сейфа же достал свой исписанный блокнот с заметками по делу, которое так долго и безуспешно обсуждали сегодня в кабинете у Кости, уселся за стол и начал неспешно перелистывать свои записи.

Костя прав. Но прав по-своему. Опасно? Да, они теперь разозлены. Их подставили, и они знают, кто это сделал. А «Центурион» – не собранная с бору по сосенке охранная фирма, а целенаправленно созданный исключительно из бывших сотрудников силовых и правоохранительных органов «коллектив единомышленников», это тебе не шарашкина контора. Люди серьезные и злопамятные. Их уже однажды государство крепко кинуло. Поэтому и они церемониться не будут.

А может, это и хорошо? Все закончится одним разом? И не надо больше никакого «робингудства», как выразился Костя. Потом соберутся ребята, примерно можно угадать даже состав присутствующих, так сказать, на тризне. Станут слова говорить – понятно какие. Скоро забудут причину, по которой, собственно, собрались, и начнутся анекдоты, кто-нибудь предложит баб пригласить, чтоб не скучно. И опять станут вспоминать, что покойный был весьма горазд по этой части. Так, со смехом и легкой печалью разъедутся кто куда: одни – к женам под бочок, другие – по девкам, третьи – добавить еще, поскольку обязательно окажется мало. И вся любовь...

Да нет, чушь все! Мысли дурные в голову лезут. Это потому что она, голова, занята не делом, а хрен знает чем. Все, хана! Пора работать. Времени до субботы, до отпущенного срока, вполне достаточно.

Итак, что у нас теперь наметилось?...

Александр Борисович Турецкий углубился в свои записи и обо всем немедленно позабыл. И лишь на миг оторвался, чтобы укорить себя: только последние идиоты думают о собственных поминках.

Глава третья

«НАБЛЮДАТЕЛИ»

Понедельник – действительно день тяжелый, особенно для того человека, у которого он все никак не может кончиться. Тем более если день накануне, а также последовавшая за ним ночь внесли и свою толику в события, от коих жизнь не представляется лучше или хотя бы насыщеннее. Поменьше бы подобных событий...

Чтение блокнота – тоже серьезная работа, после которой явно напрашиваются определенные выводы. Закончив чтение, Александр Борисович, вопреки прямому указанию Меркулова, решил их тем не менее нарушить, ибо не видел другого пути, чтобы еще разок хорошенько колыхнуть уже достаточно взбудораженное болото.

Естественно, что сообщать о своем решении он не стал никому, тем более начальству. А работа в архиве, согласно решению Константина Дмитриевича, начиналась с завтрашнего дня. Вот и явится практикант, которого можно будет, кстати говоря, сразу и основательно загрузить. Они себе что думают? Что их сразу заставят ловить особо опасного преступника? Или в Бутырки повезут проводить допросы и очные ставки? Дудки! Пусть начинают потихоньку стирать собственными рукавами пыль с архивных папок. И это – далеко

не худший вариант...

Итак, не будем терять дорогого времени!

Турецкий запер свой кабинет, брэнча ключами, спустился на нижний этаж и прошел на служебный двор, где стояли его «Жигули». Нормальная машина! Зря Славка какие-то иномарки себе замысливает...

Дорога много времени не заняла, и спустя полчаса Турецкий вошел в большой и прохладный вестибюль газетного комплекса на Краснопресненской. Подошел к степенно прогуливавшемуся возле своего стола охраннику и полез в карман за записной книжкой.

– Смашнов... Алексей... Робертович... Правильно? – Турецкий еще раз сверился со своей записью.

– Вам назначено? – спросил охранник.

– Нет, но вам незачем звонить ему. – «Важняк» спрятал записную книжку и достал удостоверение.

Охранник, немолодой уже человек с брюшком и в очках, имел, видимо, не лучшее зрение. Он склонился над удостоверением, попытался что-то прочесть в нем и сказал смущенно:

– Хорошо, проходите. – Турецкий опытным взглядом определил, что тот так и не разобрался толком, что написано в удостоверении. – Знаете где?

– Знаю.

– Комната пятьсот семь! – крикнул охранник уже вдогонку поднимававшемуся по ступеням Турецкому. – Лифт напра-

во. Пятый этаж. Сегодня видел его. Кажется, на месте.

Турецкий поднялся на пятый этаж и, снова вместо пропуска показав на этаже свое удостоверение, вошел в комнату номер 507, где сидел один из редакторов газеты «Московский наблюдатель». Турецкий уже знал его, они встречались и в прокуратуре, и здесь, когда допрашивали всех возможных свидетелей по делу об убийстве журналиста Евгения Арбузова, а также его коллег. Версия о причастности «Центуриона» к убийству этого известного молодого журналиста рассматривалась тогда вскользь, потому что Арбузов, очень мужественный и по-своему отчаянный человек, занимался не только «Центурионом». Был у него компромат и на генералов, и на коллег-журналистов из других изданий, и вообще никто тогда в редакции, кажется, даже не удивился, узнав, что Евгения убили. Все словно были готовы к этому. Состоялись шумные похороны, и каждый раз на очередные поминки в редакцию на грандиозную пьянку съезжались со всей Москвы друзья газеты, и скоро уже мало кто помнил, ради чего они тут собирались. Тело Арбузова нашли в собственном подъезде. Никто не слышал выстрелов. Пистолет был с глушителем. Делом занимались недолго, как со всяким «глухарем». Но так как пресса не унималась, приходилось кого-нибудь подозревать, задерживать, отпускать, снова задерживать, время от времени делать заявления, что убийца Жени Арбузова будет вот-вот арестован, но всем было ясно, что подобные дела уже давно не раскрываются.

– Вы ко мне? – спросил Смахнов.

– Моя фамилия Турецкий, – сказал «важняк», представляясь. – И я к вам, вы угадали. Мы ведь уже встречались, не правда ли?

Смахнов посмотрел на него, и по выражению глаз Турецкий понял, что Смахнов сразу узнал его, но... что-то удержало Алексея Робертовича от более искренней реакции.

– Ну что ж, присаживайтесь, – тихо сказал он, привстав и указав рукою на стул.

– Спасибо.

– Кофе, чай, бутерброды?

– Нет, благодарю, ничего не буду.

– Что так?

– Сыт.

Смахнов снова уселся и вопросительно уставился в глаза Турецкого.

– Я пришел поговорить с вами, Алексей Робертович, по одному весьма деликатному вопросу.

– Да-да, – как-то суетливо вдруг закопошился Смахнов, – я слушаю вас.

– Дело касается охранного агентства «Центурион», – сказал Турецкий.

– «Центурион»? – удивился Смахнов. – Да, Женя занимался всем этим, но знаете... прошло с тех пор так много времени, что...

– Что все изменилось. Так?

– Не понял?

– Вы хотели сказать, что с тех пор, когда Женя Арбузов занимался «Центурионом», это самое агентство – что?... А вы были с ними в довольно хороших отношениях, верно? С этими «центурионами». Я не путаю?

– Ну это, знаете, не ко мне, – сказал Смашнов. – Об этом вы можете поговорить с коммерческим директором, с главным редактором, с нашими хозяевами наконец. Какое я-то отношение ко всему этому могу иметь? Тем более к охранному агентству!...

– Остапенко знаете? – спросил Турецкий. – Сколько раз вы встречались с этим человеком?

– С Остапенко? Лично?

– И лично, и так – не лично.

– Ну, в общем, я и не скажу точно, сколько раз, но вот лично?... Да, мы ездили к нему на дачу. Пару раз, наверное.

– Где у него дача?

– Николина Гора.

– С кем вы ездили?

– С Метлицким.

– Это коммерческий директор, правильно?

– Да.

– Он сейчас на месте?

– Да, конечно, я могу проводить вас.

– Не спешите, Алексей Робертович. У меня есть еще несколько вопросов и к вам.

– Я и не спешу.

– Главный с вами ездил?

– Он был тогда в отпуске.

– Кто-нибудь из хозяев?

– Да, я мог бы, наверное, назвать фамилии, но это уже теперь не имеет никакого значения, потому что наша газета, вернее, тридцать пять, кажется, да, именно тридцать пять процентов акций закрытого акционерного общества «Московский наблюдатель» продано.

– Именно с этой целью вы и ездили тогда к Остапенко?

– При чем здесь Остапенко? У него свой бизнес. Вряд ли ему нужна какая-то газета... какие-то проценты... Да и вряд ли бы он потянул все это. А почему вы именно меня об этом спрашиваете?

– Что ели?

– Не понял.

– Ели что? На даче. У Остапенко. Не помните? Чем вас там угощали?

– Ели? Да при чем здесь это? Не помню. Чем-то угощали. Не все ли равно?

– Кто вел переговоры: вы или Метлицкий?

– Метлицкий.

– Значит, вы ничего не знаете?

– Послушайте, но какое все это имеет отношение к тому делу, которым занималась прокуратура? Вы хоть что-нибудь можете определенное сказать о расследовании? Что у вас за

методы, у прокуратуры?

– Методы самые гуманные, – сказал Турецкий. – Такие же, как и у вас. Только, в отличие от газеты, сыск и информация входят в наши прямые обязанности, а вот газетчики... Кто, говорите, приобрел тогда эти тридцать пять процентов?

– Слушайте, давайте вы сами поговорите с Метлицким. Я и так слишком много чего сказал.

– Вы не хотите мне отвечать?

– Я не могу точно сказать. Нужно смотреть бумаги. И вообще, информировать вас, работников прокуратуры, вовсе не входит в мои обязанности.

– Меня не надо информировать, я сам вам все скажу, – сказал Турецкий. – Эти тридцать пять процентов теперь принадлежат фирме «Велда». Так? Так. Остапенко имеет к ней какое-нибудь отношение? Имеет. Вы не подскажете какое?

– Я ничего не знаю.

– Вы встречались на даче с представителями «Велды» и ничего не знаете?

– Послушайте, я правда ничего не знаю! – Казалось, сейчас с ним случится истерика.

– Убит журналист. Вы пишете гневные статьи.

– Сам я ничего не пишу.

– Не важно. Вы – ваша газета. Вы ищете убийц. Вы упрекаете Генеральную прокуратуру, а сами ничего не делаете, и даже больше того, прикрываете людей, которые могут быть виновны.

– Послушайте!

– Послушаю.

– Вы пришли для чего? Чтоб разозлить меня? Не понимаю. Зачем вы пришли? Я ничего не знаю.

– Ведь Женя не был идеальным журналистом? Так? Какие у вас лично были с ним человеческие отношения?

– Никаких.

– То, что говорят о нем, правда? Что он иногда играл против правил. Что расталкивал локтями товарищей? Не всегда бывал корректен. В вашей среде ведь трудно чего-нибудь добиться, если играть по правилам?

– Как и в вашей.

– Ну, в нашей еще возможно благородство. По отношению к своим.

– Чего вы хотите? Чем я вам могу помочь? Вы вынуждаете меня отзываться нелестно о погибшем человеке? Ладно. Я мог бы отозваться. Но какое это имеет теперь значение? И зачем вам все это? Простите, но вы, кажется, несете какой-то бред. Я ничего не понимаю.

– Ответьте на вопрос. Правду о нем говорят?

– Да.

– Точнее.

– Да, Женя не нравился нам. Ну... скажем так, не всем нам. У нас, в газете, как вы понимаете, не все идет гладко. Как и повсюду, есть различные партии, так сказать, каждый тянет на себя... И вот то самое дело, о котором вы говорили,

дело об этом охранным агентстве, как его?...

– «Центурион», – с улыбкой подсказал Турецкий.

– Да, «Центурион». Он, вероятно, хотел использовать это дело в межредакционной борьбе. Конечно, это понравилось не всем. Даже скажу больше! Это вообще никому не понравилось! С одной стороны, потому что намечались все эти финансовые дела, газете подыскивали покупателя, понятно? А с другой стороны, его старые приятели, конечно, уже опасались.

– Чего?

– Ну что он вырвется, станет первым. Тут ведь уже дружбы быть не может. Тут если ты первый – ты победил! Только так.

– Кто эти приятели? Имена, фамилии?

– Я не знаю...

– Что значит – не знаю? Вы же все-таки не последнее место занимаете в своей газете? И не знаете таких простых вещей? Имен?

– А знаете, сколько у нас в газете людей работает?

– Ну хоть кто, примерно?

– Не знаю. Я и так вам сказал больше, чем мог.

– Отвечать на мои вопросы, между прочим, – сурово сказал Турецкий, – это ваш гражданский долг. Мы ведь не на лавочке с вами сидим. Правильно?

– Да, но многое из того, что вы сейчас от меня слышали, – информация, мягко говоря, непроверенная. Я бы на вашем месте не рискнул на нее ссылаться.

– Слухи?

– Ну если хотите. Поэтому я свой гражданский долг перед вами даже перевыполнил.

– И последний вопрос. В чем была его вина?

– Вы меня, что ли, спрашиваете?

– Вас, естественно.

– Я не знаю, почему его убили!

– Я не об этой вине. Я о той, после которой в редакции с ним кое-кто вообще перестал здороваться.

– Да он просто украл кое-какие бумаги у одного из наших сотрудников! Но ведь есть все-таки свои приличия. Если ты журналист – пожалуйста: укради у свидетеля, у... у работника прокуратуры, в конце концов, но не у своего!

– А я догадываюсь у кого, – сказал вдруг Турецкий. – Я знаю, у кого украл он эти бумаги. Хотите назову вам имя?

– Да, вы угадали, все было именно так, – сказал Смашнов. – Но поверьте, что все это была чепуха, никто этим не занимался вплотную... И к тому же там не было и не могло быть никакого компромата ни на кого...

– У нас есть другие сведения. Я видел эти бумаги.

Смашнов на секунду замолчал.

– Какие бумаги? – чуть заикаясь, спросил он. – Этого не может быть!

– Поэтому я и пришел теперь к вам, Алексей Робертович. Дело в том, что у меня есть папка. Одна забавная папочка. И в ней документы...

Уходя, Турецкий обернулся. Смашнов с каким-то почти суеверным страхом смотрел ему вслед...

– Кап! – сказал Турецкий и по-мальчишечьи подмигнул редактору Смашнову.

Тот, естественно, ничего не понял. Да и не должен был понять. Для этого ему надо было прежде всего перестать бояться. Всего. Но, главным образом, крупных неприятностей от начальства и хозяев газеты.

Нет, совсем не дурак Остапенко, которому не нужна газета, с которой, по убеждению Смашнова, тот и не потянул бы. Еще как потянул! Раньше им нужны были деньги. Теперь уже – власть. А для этого – средства информации. Даже ежу понятно! Вот так: кап! Кап!... А капля за каплей, известно, камень точит...

В кабинете, куда к концу дня вернулся Турецкий, надрывался городской телефон. Ну да, конечно, все правильно, ведь, уходя, «важняк» на всякий случай отключил свой «мобильник» – обязательно станут звонить, надоедать вопросами и советами, выяснять, где ты и чем занят. А поездка в «Московский наблюдатель» должна была оказаться обязательно неожиданной. Что и было сделано.

Он снял трубку.

– Турецкий у аппарата, – мрачно провозгласил.

– Саня, ну черт бы тебя побрал! – закричал Грязнов. – Где ты шляешься целый день? Звоню, звоню... Зачем «мобилу» вырубил?

– Затем, чтоб ты потом спрашивал: «Зачем?» Какие дела?

– Да нет особых, точнее, не так чтоб очень... Просто хотел уточнить.

– Ну так и уточняй!

– В пятницу встретимся. Я уже практически всех обзвонил. Во второй половине дня. У меня дома, разумеется.

– А все – это кто?

– Да ты их знаешь... Ты лучше ответь, где был?

– Слава, ты мне что – начальник?

– Но ведь Костя же сказал...

– А мы с тобой, что же, постоянно его слушались, да? Или иногда все-таки поступали по-своему?

– Должен ли я твой ответ понимать так, что ты продолжаешь делать то, что тебе категорически запретил Меркулов? – строго спросил Грязнов.

– А должен ли я твой вопрос понимать так, что у меня появился не только зануда-шеф, но и стукач-приятель?

– Побойся Бога! Вы же вроде договорились?

– Вроде. Но не больше. А ты не лезь, куда тебя не зовут. У тебя что, своих проблем мало?

– Своих-то хватает... – Грязнов отчего-то закричал, будто старик. – Слушай, Санька, мне ведь известно, куда ты в последнее время зачастил. Если хочешь послушать мой совет, так скажу: плюнь ты на эту бабу. Саня, сгоришь синим пламенем! Если не веришь, могу кое-что показать. Плюнь, старик! Я тебя, только скажи, с такой дивой познакомлю! О,

кстати, я ее, пожалуй, тоже приглашу к себе. Вот и познакомьтесь. Голову даю на отсечение – твой стиль и, как говорится, твой размер! О-го-го-го! – Это он так образованно захохотал. Не то гусь, не то жеребец некормленный.

– Славка, – недовольно сказал Турецкий, – не лез бы ты, ей-богу, не в свое дело. И вообще, ты что, шпиона ко мне приставил? Известно ему, видите ли! Ни хрена тебе, друг дорогой, вообще не известно! И твое счастье... Ладно, я уже вижу, как ты рожу кривишь. Недоволен он! А от меня, между прочим, жена ушла! Хоть какая-то компенсация мне положена?

– А я про что? – сразу нашелся Грязнов. – Я именно про компенсацию... Хотя против Ирины, честное слово, никогда ничего за душой не имел. И не имею. Но, Саня, не тебе говорить, что чужая душа – всегда потемки. Как это в кино у Чехова, а?

– При чем здесь кино?

– Ну этот... медведь который. Как он? Посмотришь, говорит, кисея, эфир, полубогиня, а заглянешь в душу – обыкновеннейший крокодил! А? И ведь точно! Поэтому ты не раскисай. Я ж тебя как облупленного знаю. Ты всегда брал на свои плечи лишнее! Зачем? Да принцип у тебя такой! Может, он и неплохой, этот принцип, но это когда ты сам молод и у тебя еще все спереди, как говаривал Семен Семеныч. Не забыл старика Моисеева? То-то! А он что утверждал? Что в жизни надо довольствоваться необходимым! Так на фига

лишнее?

– Ну, положим, другой не менее умный еврей сказал, что он в жизни вполне может обойтись без необходимого. А вот без лишнего – ну никак.

– Это кто ж такой?

– Поэт Светлов. Но если тебе, Славка, так близок принцип Семена Семеныча, извини, на хрена тебе какой-то супер-пупер-автомобиль? Есть же служебный джип. Есть «форд» с мигалками. Своя «девятка» который год в ракушке стоит! Объясни, зачем еще? Не понимаю.

– А ты и не поймешь. Вот когда увидишь, да, может, за руль сядешь, если я еще разрешу, вот тогда ты все, Саня, сообразишь! А также поймешь, что если бы ты не был таким прямолинейным простаком, то и сам катался бы на такой же.

– Грязнов, таможня мзды не берет, ей за державу обидно!

– Слышали. Отсталый ты человек, друг мой старей... А кстати, вот ты у Кости обронил нечто насчет совести и прочего. Ты, скажи, это что – всерьез?

– Если бы я тебя тоже не знал долгие годы, сейчас бы послал подальше и попросил больше мне не звонить.

– Ах, какие мы гордые! Какие недоступные! Ладно, не бери в голову. Я тебя понимаю, может, лучше других. Но все равно предостеречь обязан. И вообще, мне кажется, ты в последнее время стал что-то скрывать от своих товарищей. Нет? Ошибаюсь? Не слышу ответа, господин «важняк»!

– Всему свое время, Слава.

– Ну смотри, тебе виднее. Вообще-то со своими всегда легче, дружище. Так не забудь, черкни себе на ладошке: в пятницу от трех до пяти народ съезжается. Еще будет большой бильярд!

– Что, и это купил? – Турецкий знал, что Грязнов давно уже мечтает купить бильярдный стол – настоящий. Даже сказал, что отдельную комнату на своей Енисейской под него выделит. Купил-таки, значит.

– А то! – воскликнул Грязнов.

– Ну все теперь, – вздохнул Турецкий. – Работа побоку. Главное, грамотно шары катать. Во всех смыслах.

– А вот тебе фиг! Все равно не обидишь. Привет!

Едва опустил трубку, затрезвонил внутренний аппарат.

– Александр Борисович? Это вас беспокоит Света, я временно замещаю Клавдию Сергеевну. Вы на месте?

– Послушайте, Света, – слегка закипая, начал Турецкий, – вы куда звоните?

– В кабинет старшего следователя Александра Борисовича...

– А если вы звоните и я снимаю трубку, то где я должен еще находиться? Вы иногда думаете, о чем говорите?

– Думаю... иногда... – совсем растерялась девица.

– То-то и оно, что иногда. Так что от меня хочет Константин Дмитриевич?

– Он просил передать... сказать... что если вы будете у себя, то чтоб зашли.

– Ну что ж, видите, Света, вот вы и сформулировали! Хорошо, я сейчас зайду.

«Твою мать... – усмехнулся вдруг. – Это ж надо, какой народ пошел!»

Когда он вошел в приемную, девица от избытка почтения, видно, даже привстала и проводила его взглядом в дверь Меркулова.

– А, ты здесь еще? – отрываясь от компьютера, устроенного на приставном столике, спокойно произнес Меркулов. – А я думал, уже третий сон смотришь...

Турецкий взглянул на экран монитора и увидел английский текст.

– А, Саня? – кивнул на экран и Меркулов. – Как тебе техника?

– Как все на свете, – равнодушно пожал плечами Турецкий. Без очков прочитать мелкий текст он не мог, значит, это было для него лишнее. – Чем занят?

– Ты только не смейся, – смущенно сказал Меркулов, – вот, на старости лет повторяю то, что когда-то небрежно изучал в университете. Вспоминаю послелого!

– Скажите на милость! А зачем?

– Да вот, понимаешь... – Что-то Меркулову было неловко. – Это, собственно, не моя идея. Леля просила... Она ж у меня, по сути, ни разу толком не бывала за границей. Хотим теперь...

– В Англию, что ль?

– Не-ет! Бери выше!

– А-а-а-... – понимающе протянул Турецкий. – В Штаты намылились!

– Что у тебя плоская какая-то фантазия, Саша? Сигаретка есть?

– Есть, но тебе не дам. Да ты и курить мои не станешь.

– Дай, не будь гадом, – поморщился Меркулов. – И огонька, если не жалко. – Он затаился, задумчиво выпустил в потолок струйку дыма и продолжил: – В Бразилию собираемся. Там скоро начнутся карнавалы. Видал по телику? Чудо из чудес. Хоть на старости лет взглянуть!...

– Ну ты даешь! Предлоги-послелого, английский язык! Карнавалы! Поди, еще пляжи, мулатки всякие, да? А на хрена, пардон, тебе английский?

– Так ведь на нем же весь мир болтает!

– Может, оно и так, но в Бразилии, насколько я слышал, предпочитают все-таки португальский. Причем с бразильским уклоном.

Меркулов поморщился:

– Да ну тебя! Там и по-английски говорят...

– Нет.

– Ну ты это брось мне баки забивать, – недовольно сказал Меркулов. – Леле же в турагентстве четко сказали. Английский. Они знают. Бывшая же английская колония.

– В том-то и дело, что португальская, Меркулов! – рассмеялся Турецкий.

– Да ладно тебе, умник! Больше всех знаешь. Ничего, поймут и английский, если понадобится...

– Они-то, может, и поймут, да ты что поймешь сам? Мулатки, пляжи. Что ты скажешь своей мулатке? Гуд-бай, беби?

– Ничего, что-нибудь пойму, Саша. Не первый раз в незнакомку идти. Что-нибудь, а пойму! Да и потом, не решил я еще: ехать, не ехать. Хотя, знаешь, мне, честно говоря, так уже тут все осточертело! Все-таки наши дети значительно счастливее нас. Мы привыкли с тобой за идею бороться, идти до конца. А они твердо знают, для чего жить надо.

– И для чего?

– Для жизни, для себя. Ездить в Бразилию или не в Бразилию, куда угодно. Видеть мир. Растить таких же детей. Эх! Мне бы сейчас лет на тридцать поменьше! Я бы таких дел наворотил, Саша! Бросил бы к черту всю эту прокуратуру, занялся бы каким-нибудь нужным делом...

– Ну и кто тебе мешает заняться этим теперь?

– Годы, Саша, годы!

– Слушай, Костя, еще не все ведь потеряно!

– Эх, не так, не так прожили, Саша! Все коту под хвост! Вся жизнь! Ты ведь подумай, на что мы отпущенное нам Господом время угробили? На общество. На порядок. На всю эту сраную, прости, чепуху! А что толку? Никакого! Кто нам с тобой, Саша, памятники поставит? Никто. Кто нас поблагодарит за то, что мы с тобой пару сотен дел раскрыли? Кому

все это нужно? Что нам с тобой от того досталось? Что наша с Лелей дочка от меня в наследство получит? А какой-нибудь спекулянт, которого мы с тобой лет десять тому назад выловили, своему сыну дачу в Швейцарии построил.

– Ну и что? – равнодушно спросил Турецкий, поглядывая, однако, на Меркулова с подозрением. Что это они со Славкой, сговорились, что ли?

– Как – ну и что?

– Ну пусть построил. Ну а дальше что?

– Как – что, Турецкий? Ты не понимаешь, что ли?

– Представь, нет.

– У него дача в Швейцарии, у него счета, деньги, у него – все!

– Нет, это мне как раз понятно, – сказал Турецкий.

– Ну а что тебе еще нужно? – удивленно проговорил Меркулов.

– Но что он там делать будет, в своей Швейцарии? – спросил Турецкий. – Рыбу на озерах ловить?

– Да хоть бы и рыбу! Чем плохо?

– Мне-то, Меркулов, ничем не плохо. А вот ты бы так смог? Дача, рыбалка, прекрасные вина, горные вершины, альпийские луга. И все! Понимаешь? И все! Ты бы так смог?

– Ну вот я бы и придумал себе какое-нибудь дельце, – поразмыслив, сказал Меркулов. – Что-нибудь там взял и организовал.

– Что? Булочную бы открыл?

– Зачем булочную? Сыскное агентство. Чем плохо?

– Во-первых, Костя, тогда бы тебе пришлось изучить еще немецкий, французский, итальянский и ретороманский языки.

– Какой-такой?

– Ретороманский! А во-вторых, что бы там искал? В бу-
мажках рылся? Там ведь тишь да гладь, да Божья благодать!
Там ведь не стреляют, не убивают. А тебе бы все равно захо-
телось бы опасности.

– Я бы съездил в пустыню. Поохотился на тигров.

– Но все равно это – не ощущение смертельной опасности.

– А я бы охотился так, чтоб было.

– Тогда, Костя, скажи, зачем тебе Швейцария? Ты и здесь
живешь, как в Африке.

Меркулов загасил сигарету и выключил компьютер.

– Я ж вот и говорю, Саша, – начал он. – Я думал об этом.
Думаешь, не думал? Мне казалось поначалу, что я как-то не
так воспитан, что меня моя система советская как-то непра-
вильно воспитала. В общем-то, я так всегда и отвечаю, ко-
гда меня спрашивают. Но хочу тебе признаться. Посмотрел я
тут недавно один фильм американский, про полицейского...
Он ведь такой же псих ненормальный, как ты или я. Заметь:
американский полицейский, коп. Замечаешь?

– Замечаю.

– Ну вот, – продолжал Меркулов. – Огромный такой аме-
риканский город. Негритянский район, где эти ниггеры ни

черта не делают. Представь, живут себе на пособие, баклуши бьют. Ну там иногда приторговывают наркотиками. Но это только избранные. А вообще никто ничем не занимается. И все показано. В каких квартирах они живут. Что едят. Что пьют. И представь, не хуже нас. Это на пособие-то!

– А бывает, что и хуже. Я сам видел.

– Бывает, что и хуже, – согласился Меркулов. – Но вот приезжает туда этот ненормальный коп на своей тачке. Начинаются разборки. Кто героин хранил, кто развозил. Ну понятно. А я смотрю, и у меня только одна мысль. Ну вот ты, засранец, явно же под пули теперь идешь! Почему ты идешь под пули, когда живешь в такой стране, где можно ни черта не делать, играть на лужайке в баскетбол, пить «Миллер» и смотреть телевизор? А?

– И я тебе о том же говорю, – сказал Турецкий.

– Да-да, Саша! Не понимаю. Думал, кино. Ну ладно, черт с ним. Смотрю другое. Такая же байда. Что такое? Нашел где-то статистику смертей. Читал в «Аргументах»? Сто девяносто убитых полицейских за год. Представляешь?

– Представляю.

– И это уже не кино!

– Не кино.

– Это жизнь, Турецкий! Значит, лезут все-таки под пули? Зачем, спрашивается? Значит, прав ты, Саша! Не хочет он просто рыбачить или просто в баскетбол играть. То ли все мы, копы, прокуроры, такие шизанутые, то ли я чего-то не

понимаю... А кстати, на что ты надеялся, когда шел нынче к журналисту?

– К какому журналисту?

– В «Московский наблюдатель».

– Откуда ты знаешь?

– Знаю, Саша. Не задавай дурацких вопросов. И все-таки на что?

– Только на то, что он обязательно передаст. Все, что я ему сказал, обязательно передаст тому, кому нужно.

– А дальше?

– Дальше? Посмотрим.

– А вдруг не передаст?

– Они все – сплетники. Вот ты же узнал?

– Он просто позвонил нам и сообщил.

– Если он тебе позвонил, значит, и кому-нибудь другому позвонит. Возмущался?

– Нет, скорее интересовался.

– Чем?

– Ну... правда ли, что ты занимаешься реанимацией этого дела?

– Значит, он меня как бы забыл?

– Выходит, так.

– И он был против того, чтоб о его покойном коллеге узнали что-нибудь новое?

– Нет, но он интересовался.

– И что ответили?

– Пришлось сказать, что занимаешься. Не могли же ему сказать, что работник Генеральной прокуратуры, «важняк», своевольничает.

– Прекрасно, значит, теперь и в «Московском наблюдателе» тоже знают, что я занимаюсь этим делом. Теперь ты уж точно не можешь требовать от меня отказа. Костя, а как ты думаешь, почему они так интересуются этим?

– Потому что ты сказал им что-то не то и вроде даже нахамил. Нет?

– Это они так тебе сказали?

– Нет, но намек был.

– И только поэтому?

– Не знаю. Во всяком случае, Турецкий, передо мной еще один пример твоего крайнего безрассудства, вот что я тебе скажу. И кстати, что это за папка, которой ты грозился?

– Да-а?... И про папку рассказали?

– Конечно. Зачем ты тряс там ею?

– Ну трясти я ею еще не тряс. Во-первых, потому, что я ее не взял с собой. А во-вторых, потому, что у меня ее нет вообще. Но об этом знают теперь только двое: ты и я.

– Господи! – воскликнул Меркулов. – Скажи, за что такой кошмар на мою седую голову?!

– Я так понимаю, что вопрос чисто риторический?

– Ой, лучше уйди с глаз моих!... Со стажером беседовал?

– С каким? Ах с этим?... Завтра с утра велел явиться.

– А он и не уходил.

– То есть как?

– А вот так. Я вышел за чем-то в приемную, смотрю, молодой человек. Спросил, кто таков и по какому делу? Он ответил, что ты его послал выяснить время утреннего прихода на службу. Ну, пришлось объяснить юноше, что у нас ни время прихода, ни время ухода, по сути, не нормированы. Все зависит от важности дела. Позже снова выглянул – сидит. Он говорит: жду, может, дело подвернется. Чудик! Не видел его?

Турецкий отрицательно качнул головой.

– Ну, значит, ушел. Завтра жди.

– А ты меня чего звал? – спросил Турецкий.

– Я? – удивился Меркулов. – А-а, вспомнил! Сигаретку попросить...

«Турецкий, что с тобой происходит? – спросил себя Александр Борисович, выходя из кабинета начальства. – Ты в своем уме? Или уже немножко „ку-ку“?»

Глава четвертая

ДОХЛОГО ОСЛА УШИ...

На сей раз практикант медленно и задумчиво прохаживался мимо двери кабинета Александра Борисовича.

– Чего тебе неймется? – спросил Турецкий, подходя. – Я разве нечетко сказал, чтоб прибыл завтра?

– Я подумал, что вдруг будет что-то важное, а меня нет. И решил...

– А-а, так ты уже способен принимать самостоятельные решения? Это меняет дело, как говорил наш бывший вождь и учитель.

– Это кто?

– Свою историю, юноша, надо знать, – наставительно заметил Турецкий и, открыв дверь кабинета, сделал известный кинематографический жест раскрытой ладонью: – Заходи... Ну садись рассказывай, кто ты, откуда, с чем тебя едят и чем ты вообще предпочитаешь заниматься? В свободное от раздумий время. И учти, чтобы проходить у меня практику, ты обязан сделать так, чтоб твой моральный облик был для меня абсолютно ясен. И привлекателен. Поскольку своим собственным я похвастать, к сожалению, не могу. Не тяну я на идеал. И выпить люблю, и девок... понимаешь, тоже. Вот недавно жена ушла. Не могу, говорит, больше с тобой, Ту-

рецкий. Взяла дочку на руки и... фюить!

– Маленькая дочка? – сочувствующе спросил практикант.

– Ну почему? Десять лет!

– Болеет?

– Да с какой стати? С чего ты взял? – изумился Турецкий.

– Так вы ж сами только что сказали: взяла на руки...

– Ах, ты вот о чем?... Некоторые вещи, господин практикант, не следует воспринимать буквально. Это я, так сказать, фигурально выразился. Просто жена с дочерью покинули папашку, посчитав его неудачником. В этом смысле и спрашиваю тебя: ну какой тебе практический интерес проходить практику у откровенного неудачника, а? Может, сменишь руководителя? Сходи к Меркулову, пока не поздно. Ты ему, я слышал, приглянулся. Вот и пусть он тебя пристроит к кому-нибудь, кто поблагополучней, точно! Я назову с пяток фамилий наших...

– Не надо, Александр Борисович. Я специально в Генеральную прокуратуру напросился. И чтоб именно к вам.

– Эва! Тебя ведь Максимом, кажется, зовут, да? Слушай, так остроумно мне еще никто в жизни не льстил, честно говорю.

– Это совсем не лесть. А у нас, если тоже по-честному, все как раз отказывались идти сюда на практику. В основном просились в банки и юридические консультации. Так что приход к вам – это моя личная инициатива.

– Ну спасибо, благодетель... А чего ж так?

– Да ведь быть сегодня следователем – не престижно. Денег – кот наплакал. Опасностей – выше крыши. Да и начальство приходится слушаться. А оно...

– Ну чего, договаривай!

– А оно, – упрямо повторил практикант, – не всегда...

– Вот именно, не всегда соответствует твоим идеалам, Максим. Я не преувеличиваю?

– Скорей, наоборот.

– Ладно, примем к сведению. Тогда, может, и сработаемся. Чем черт не шутит, а? Особенно когда Бог спит. А ко мне все-таки почему?

– Не понял.

– Ну в нашу контору – понятно. А ко мне зачем?

– А-а... У нас на лекциях по уголовному праву часто вас цитируют. Ваши расследования, я хотел сказать.

– И что?

– Нравится, – застенчиво улыбнулся Максим.

– Скажи пожалуйста... – многозначительно покачал головой Турецкий. – Ну а как бы ты, к примеру, посмотрел на такой факт. Предположительно. Вот я – весь такой-разедакий – вдруг взял и ушел из Генеральной? Надоело, понимаешь. И начальство, как ты говоришь, не всегда соответствует. И денег вечно не хватает. Вот возьму и уйду в коммерческие структуры, а? Как тогда?

– Вы имеете право так поступать. Вы уже успели сделать немало.

– Считаешь?

– А почему нет? Даже металл вон устает. Термин есть специальный – усталость металла.

– А ты как же?

– Я все равно буду следователем. Пусть непрестижно, зато это правильно.

– А вечерами ты чего делаешь? Ну когда не раздумываешь над мировыми проблемами?

Максим вдруг покраснел, будто робкая девица, засмутился, и Турецкий, заметив неловкость, тут же постарался убрать прочь всяческие недомолвки.

– Между нами, раз уж так случилось, не должно оставаться неясностей, тем более непонимания. Откровенность, как говорится, за откровенность.

– У меня девушка... учится в хореографическом училище. В общежитии живет. У нее и подружки есть. Очень, вам скажу, даже ничего!

– Да ну?... – Турецкому стало почему-то скучно. Всюду одно и то же. – Ну я, извини, по девушкам не ходок. Мы больше по бабенкам. Возраст не тот, Максим.

– Какой это у вас возраст?! – воскликнул он с неподдельным жаром. – Да в вашем возрасте!... Постойте, Александр Борисович, а может, мы сегодня, если захотите?... Минуту, кажется, они у меня в плаще, там, в вестибюле, внизу! Можно, я сбегая?

– А что ты забыл в плаще в вестибюле?

– Я сейчас! – И Максим, как наскипидаренный, вылетел из кабинета пулей.

Через минуту, открыв без стука дверь, в кабинет зашел Меркулов. Был он в плаще и кепочке. Под мышкой держал свой старинный кожаный портфель, с которым, помнится, ходил, еще будучи следователем Московской городской прокуратуры. А Турецкий, вот как теперь Максим, был тогда у него практикантом.

Костя в кабинет-то вошел, но тут же выглянул в коридор и с сомнением посмотрел на Турецкого.

– Слушай, это ты его так выпулил? Пролетел, как говорится, ни здравствуй, ни до свиданья. За что?

– Я ни при чем. Это он сам. Побегал за чем-то... Какие дела? Ты домой?

– Да, устал сегодня что-то. Виски ломит. Видно, погода влияет.

– На нас теперь все влияет, – подтвердил Турецкий. – Это потому, что ты втихаря покуливаешь. Надо так: или – или. И все. Вот как я. Курю и – никаких гвоздей. Хотя надоело.

– А ты, смотрю, решил-таки с практикантом заняться?

– Поговорили... Надо же знать, кто рядом. Костя, а чего это к нам действительно совсем не рвутся практиканты?

– Кто тебе сказал? – удивился Меркулов. – Да я сам только что пятерых распределил по управлениям. Генеральный лично поручил.

– Нет, может, в международный или еще куда и идут, а я

про нас, следователей.

Меркулов поскущел:

– Я и сам задумывался. Наверное, уровень доверия уже не тот.

– Ну да, «заказухи» нам уже не по плечу, а по... извини...

– Только без этих... твоих, пожалуйста, – поморщился Костя. – Да, конечно, и немошь в раскрытии заказных убийств – причина. И «звонковые» ситуации. Да и собственная робость, в конце концов. Никуда от правды не денешься...

Костя уже смотрел, куда пристроить свой портфель, видимо желая присесть, но тут в кабинет вихрем ворвался Максим и, не заметив Меркулова, который стоял сбоку, выпалил на одном дыхании:

– Есть, Александр Борисыч! Здесь они! Полный порядок! Дохлый осел в кармане!... Ой... – Он увидел глаза Турецкого, обернулся и обомлел. – Извините...

– А чего извиняться? – с иронией заметил Меркулов. – Лучше просто и не бывает. Вы ведь практикант у Александра Борисовича, я не ошибаюсь?

– Никак нет... – почему-то даже вытянулся Максим. – Так точно.

– Так да или нет? – настойчиво допытывался Меркулов, вгоняя практиканта в полный уже «абзац».

– Практик...

– Это хорошо, – солидно подтвердил Костя и покрепче прижал портфель. – Это, я скажу вам, правильно. Вас ведь

зовут Максимом Петлицыным? Я не ошибся?

– Никак...

И тут Меркулов совершил невероятное. Он поставил свой портфель прямо на бумаги, что лежали на столе у Турецкого, крепко пожал руку Петлицыну и торжественно произнес:

– Ты далеко пойдешь, Максим Петлицын. Помяни мое слово! – И уже Турецкому добавил: – А для тебя, Александр Борисович, задание я оставил у себя в приемной, у секретарши, ее Светой зовут. Это то, о чем мы говорили по поводу архива. Я думал, что ты уже ушел, потому не захватил.

Меркулов забрал свой портфель, кивнул Турецкому и вышел, аккуратно прикрыв за собой дверь.

Сказать, что Максим был убит, значит просто ничего не сказать. Подняв на Турецкого умоляющий взгляд и растерянно вытирая мокрое от пота лицо ладонью, он спросил:

– Я опять не то сделал? Ой как плохо! Надо же, чтоб сразу так не повезло...

– Ну почему? – изобразил удивление Турецкий, хотя его распирало от хохота. – Я думаю, как раз обратное. Ты ведь слышал, что он сказал?

– Далеко пойду?... – робко выдавил Максим.

– Вот именно. И постарайся запомнить этот день. Он для тебя может стать решающим в твоей дальнейшей жизни. Константин Дмитриевич у нас оракул. Ты наверняка знаешь, что такое оракул?

– Ну... пророк?

– Вот именно. Как он скажет, так обычно и бывает. Считай его своим крестным папой, Максим. Редко кому так везет в жизни. А что это ты ляпнул про дохлого осла?...

В одном из тихих переулков московского центра, на углу старинного особняка девятнадцатого века, висела переливающаяся яркими огнями вывеска:

ДОХЛЫЙ ОСЕЛ

Веселая музыка.

Клевые танцы для самых продвинутых.

А возле входа, прямо на тротуаре, лежал бронзовый труп осла. Весь вход был заклеен яркими плакатами, которые Турецкий, остановившись от изумления, прочитал вслух:

ТОЛЬКО СЕГОДНЯ –
ВЕЛИКАЯ ОСЛОМАНИЯ ВЕКА!
ДОХЛЫЙ ЖИЛ, ДОХЛЫЙ ЖИВ,
ДОХЛЫЙ БУДЕТ ЖИТЬ!
ОСЕЛ ОСЛУ ТОВАРИЩ НАВЕК!
УМРИ, ОСЕЛ, ТЫ ПАЛ ГЕРОЕМ!
КТО ОСЛИКА ИА ЗАБУДЕТ,
ТОТ НИКОГДА НЕ СТАНЕТ ДЭЗИ.
ОТДОХНИ НА ДОХЛОМ МЕСТЕ!
ДОХЛЫЙ ОСЛИК РОБКО ПРЯЧЕТ
ТЕЛО ЖИРНОЕ В УТЕСАХ.

Еще в Генеральной, на выходе, Турецкий заставил практиканта подробно объяснить ему, старику, что это за прикольный молодежный «Дохлый осел», как было указано в двух пропусках, которые притащил Максим.

– Ты мне по-русски можешь объяснить? – почти заорал Турецкий, когда тот снова стал говорить о каких-то флайерсах.

– Я ж и объясняю! Это пропуска в заведение. Куда надо идти сегодня.

– Ничего не понимаю. – Турецкий стал внимательно изучать две бумажки. – А что такое «Дохлый осел»?

– «Дохлый осел» – самый прикольный московский альтернативный клуб. Я с трудом достал два флайерса, – уже устало повторил Петлицын.

– Подожди, подожди... Прикольный, московский? И что я там буду делать? «Важняк» Турецкий в обществе каких-то «нариков»? Это чудовищно!

– Да нет там никаких «нариков», Александр Борисович! Я же объясняю: прикольный и альтернативный. Очень модный. Я только один раз и попал туда. Понравилось.

– Ну а кто там?

– Приличная публика.

– Знаю я вашу приличную публику!

– Да ничего вы не знаете! У нас полфакультета туда ходит. Между прочим, ваша смена.

– Какая еще смена? – раздраженно проговорил Турецкий. – Что ты тут мне баки забиваешь? Обидеть, что ли, хочешь?

– Александр Борисович!... – протянул Максим, будто бы извиняясь.

– То-то же! Смотри мне! – в шутку погрозил пальцем Турецкий. – Смена! Ты меня со счетов не списывай.

– Ну так что, идем?

– Не знаю, Петлицын... Очень уж это неожиданное предложение.

– Что же в нем неожиданного?

– Клуб какой-то. Вечер.

– Да главное – там все будет! – сообщил Максим.

– Что – все?

– Ну девушки и тому подобное.

– Нет! – вдруг резко сказал Турецкий. – Нет, и не уговаривай! Не поеду. Ну что я там делать буду? Срамота сплошная...

– Как – что? Отлично расслабимся...

– Я не могу. У меня дела... И потом... Не то настроение. Жена вот ушла еще...

Турецкий встал, подошел к зеркалу, запнулся и вдруг громко захохотал. От неожиданности Петлицын даже рот разинул.

– Что это с вами, Александр Борисович?

Турецкий повалился на стул и захохотал еще сильнее.

– Так, ничего... Клуб, говоришь?! – хохотал Турецкий.

– Ага!... А что смешного?

– Ночной, говоришь?!

– Ну так!

– И прикольный?

– Стопудово!

– Ну тогда погнали, будущий «важняк» Петлицын!...

И вот теперь, читая эту муть продохлого осла, Турецкий сформулировал наконец свой главный вопрос к Максиму:

– Что это за бред?

– Альтернатива, – коротко и загадочно пояснил Петлицын.

– Альтернатива чему?

– Всему, – сказал Петлицын и подмигнул. – Не знаю, Александр Борисович. Ну, ей-богу! Просто альтернатива. Шутка такая. Прикол.

– Не нравится мне все это, – сказал Турецкий. – Ох не нравится. У тебя, Петлицын, по-моему, какая-то особая тяга к авантюрам... Сюда, что ли?

– Сюда.

Петлицын протянул рослому охраннику два флайерса, тот недоверчиво посмотрел на них, но ничего не сказал и пропустил.

Они спустились по широкой винтообразной лестнице в подвал. Здесь, возле длинной стойки бара, собрались исключительно представительницы женского пола.

– Слушай, куда ты меня привел? – шепнул Петлицыну на ухо Турецкий.

– Все нормально, Александр Борисович!

– Это что же – лесби?

– Не беспокойтесь, с этим здесь все нормально.

– Какие молоденькие! – удивился Турецкий. – Да тут, по-ди, школьницы?! Ни фига себе публичка! Знаешь, что положено за совращение малолетних?

Они сели в баре, в углу, заказали себе по бокалу вина и сидели, ожидая начала представления.

– А что, так трудно достать сюда этот твой... флайерс? – спросил Турецкий.

– Бесплатно – трудно. А вообще-то он бешеных денег стоит.

– Ну сколько, например? Чего молчишь, студент?

– Считаю.

– Интересно, что такое бешеные деньги для нынешнего студента?

– Долларов сто двадцать, – сосчитал Петлицын, видимо переводя рубли на доллары.

– Да ну? – не поверил Турецкий.

– Железно, Александр Борисович!

– И за что же, Петлицын, такие деньги?

– За особый флайерс.

– А у нас что, особый?

– Два особых! – воскликнул Петлицын. – Дело вот в чем.

Сегодня вторник. Мужчин сюда до одиннадцати часов не пускают. Только по такому флайерсу.

– Это почему?

– А сейчас увидите, – сказал Максим.

И точно, через некоторое время Турецкий увидел все собственными глазами и понял, отчего они с Петлицыным, да еще, может, несколько каких-то подозрительных субъектов, были единственными представителями мужского пола. Они попали на самое интересное: время разогрева. Мужчин приглашали сюда, как уже пояснил Максим, только лишь начиная с одиннадцати, когда женщины уже «готовы».

– Готовы на что? – с ужасом спросил Турецкий, когда вдруг заиграла музыка и на сцену перед девушками вышел обнаженный негр.

– Готовы на все, – пояснил Петлицын.

– Что он будет делать?

– Кто? – спросил Петлицын. – Ниггер? Танцевать. Потом вытащит на сцену самую красивую девушку.

– И что? – ужаснулся Турецкий.

– Ну, по-разному... Понятно что, Александр Борисович. Это же все-таки представление. Игра своего рода. Альтернатива, так сказать.

– А остальные?

– А остальные будут ждать прихода мужчин, до одиннадцати.

– И все потом будут делать то же самое?

– Нет, не все, – сказал Петлицын, – но девочки будут уже очень горячими. Их можно брать и увозить с собой. Я ж говорю: «готовы».

– А та, которая с ним на сцене? Он что, сам ее выбирает?

– Думаю, нет, – сказал Петлицын. – Наверняка подсадная. Самому выбирать было бы слишком рискованно. Все-таки большинство, как и мы с вами, приходят сюда больше для прикола. Чтобы просто посмотреть.

– Хорошенький прикол! – хмыкнул Турецкий...

Все было в точности так, как и объяснил Максим. Вышел на сцену обнаженный негр, подергался в острых лучах лазерных установок, затем выхватил из толпы какую-то девушку и стал ее тискать, а разгоряченные девушки в зале уже откровенно жадно посматривали в сторону мужчин. Кое-кто из этих девиц начал сбрасывать с себя верхнюю часть туалета. Приближались одиннадцать часов.

– Сейчас будет самое интересное, – сказал Максим.

– Да не хочу я все это смотреть! – Турецкому вдруг почему-то все это обрыдло, вспомнились давние вечеринки, которые тоже разгулом иногда не уступали «Дохлому ослу». Но там все было как-то иначе. Живее, что ли...

В одиннадцать наконец стали появляться представители мужского пола. Девицы приглашали их на танец, и Турецкий видел, как многие из этих стремительно образовавшихся парочек разбредались по многочисленным углам этого странного заведения.

Несколько раз девушки подходили и к ним с Петлицыным, приглашая потанцевать. Турецкий отказывался, а Петлицын уже познакомился кое с кем и стоял теперь недалеко от Турецкого, разговаривая со своей избранницей.

«Ну и молодежь! Елки-палки!» – подумал Турецкий, как вдруг среди множества лиц, плясавших в полутемном зале при свете мерцающих разноцветных огней, заметил до боли знакомое ему лицо.

«Не может быть, – подумал он, – не может быть!»

Он встал на цыпочки и начал присматриваться.

– Что с вами, Александр Борисович? – спросил Петлицын, заметив волнение Турецкого.

– Ничего, ничего, Максим. Ты танцуй...

– Есть проблемы?

– Ноу проблем, Максим, ноу проблем...

Лицо тем временем исчезло из поля зрения. Турецкий сел на свой стул и тяжело выдохнул скопившийся в груди воздух: фу-у, показалось. Да и откуда? Нет, этого просто не могло быть, потому что не могло по определению. Надо же, а ведь даже голова закружилась от дикого напряжения! Чушь какая-то...

Он сидел, потягивал из бокала какое-то, видно тоже альтернативное, вино, прозрачное, словно вода из крана, такое же по вкусу, но которое обошлось им с Максимом в достаточно приличную «ресторанную» сумму, и думал о том, что такая вот «свобода», объявленная и ловко разыгранная дель-

цами от политики, его совсем не устраивает. И своим себя он здесь тоже не чувствовал, а чисто зрительской радости от неизведанного не испытывал...

Максим не отрывался уже от своей партнерши, по мнению Турецкого довольно бесцеремонной и развязной особы, а сидеть становилось просто скучно, и тогда он решил немного прошвырнуться по залу и другим помещениям, где, похоже, также имелись и свои бары, и свои приколы.

Танцевали теперь довольно густо. Турецкого недовольно толкали, он не оборачивался, прошел мимо эстрады, где теперь изгалялись уже трое негров, изображая нечто, напоминающее бодибилдинг с сексуальным уклоном. Выбрался в другое помещение, окинул взглядом десятков занятых столиков и... словно оцепенел.

В углу, лицом к нему и напротив лысого толстячка, в профиль напоминавшего какого-то известного кинопродюсера, что ли, сидела с бокалом в руке... Ирина Генриховна – собственной персоной.

Значит, глаза не обманули его: именно жену и видел Александр Борисович среди танцующих в соседнем зале.

На Ирине было довольно смелое платье, низко открывавшее ее грудь. Разрез внизу достаточно ярко и впечатляюще демонстрировал замечательную, уж кому и знать-то! – ногу супруги.

Она рассеянно подняла глаза, увидела мужа и стала медленно бледнеть. Добела. Почти до прозрачности.

Лысый козел, как немедленно окрестил его Турецкий, как-то раздраженно задвигался, оглянулся, что-то спросил у Ирины, она ему что-то ответила, и тотчас от соседнего с ними столика поднялся накачанный паренек, ростом под статью Турецкому, и, вихляя задом, пошел к нему. Подошел. Остановился. Смерил взглядом и наконец спросил:

– Тебе чего, дедушка, не спится?

Турецкий продолжал смотреть на Ирину, которая под его взглядом заерзала, потом вдруг вскочила и побежала, но не к выходу, а почему-то в противоположную сторону. Лысый обернулся, посмотрел еще раз на Турецкого и неопределенно пожал плечами, что заметил и взглянувший на него охранник – ну, разумеется, этот «внучек» иным и быть не мог.

– Выйдем? – сказал охранник.

– Выйдем, – ответил Турецкий и вдруг почувствовал под мышкой слева тяжесть не снятой утром, после возвращения из засады, кобуры с пистолетом. – Спокойно, – сказал себе Александр Борисович, чувствуя, как глаза застилает какой-то непонятной розоватой пеленой.

– Это ты мне, дедушка?

– Нет, себе, внучек. Ты только не отставай.

– Шутник, дедушка? – хмыкнул идиот-охранник.

– Угадал, внучек. Ох как ты угадал! Ты даже и представить себе не можешь, какой оказался догадливый! И как к месту!

Турецкий со страхом подумал, что его понесло и теперь

он может натворить таких дел, что...

– Александр Борисович! – крикнул Максим, увидев уходящего в сопровождении «качка» Турецкого. – Погодите, я с вами!

– Турецкий! – услышал откуда-то уже издалека голос жены. – Ты с ума сошел!

Думал – показалось. Нет, охранник вдруг издевательски передразнил его:

– Туёцкий, а Туёцкий! Ты куда-а?

Александр Борисович смерил его глазами и кивнул на выходные двери. Тот только хмыкнул в ответ.

Втроем вышли на улицу. Остановились. Охрана заведения, будто по команде, куда-то смылась. Отлично.

– Тебе чего, мальчик? – сдерживаясь, спросил Турецкий. – Совсем жить надоело?

– Ой, Туёцкий! – тонко захихикал тот. – Какие ты грубые слова-то говоришь? Ты, падла, знаешь, на кого морковку дронишь? – Голос его стал грубым и рычащим.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.